

ШЕТОР БОРОТНЯ

СТАС

18+

Васидиса Женина

Василиса Женина

Шепот оборотня: Стая

«Автор»

2026

Женина В.

Шепот оборотня: Стая / В. Женина — «Автор», 2026

Летом 2009 года закрытие старой психиатрической больницы становится переломным моментом для маленького поселка Руденовск. В центре повествования — трое подростков: Дима, Илья и Стас, чьи убеждения проходят проверку на прочность. Им предстоит впервые столкнуться с предательством, собственной ревностью и гневом, способными разрушить всё. Они учатся стоять за себя, выбирать, кому доверять, брать на себя ответственность и защищать тех, кто дорог. Их дружба проходит через разломы, но именно в них рождается что-то настоящее. Взрослые вокруг тоже на перепутье: матери и отцы, которые жертвуют собой ради детей, скрывают правду, чтобы защитить, и сталкиваются с выбором между деньгами и совестью, между любовью и страхом. Когда беда обрушивается, переворачивая всё вверх дном, становится ясно: кем ты выйдешь из темноты решают только твои поступки. Спасение чужой жизни в огне и обломках. Прощение, которое даётся тяжелее всего. Верность, которая не отпускает даже в самый страшный час.

© Женина В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	33
Глава 4	58
Глава 5	62
Глава 6	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Василиса Женина

Шепот оборотня: Стая

Глава 1

Сергей Ярцев, вместе с бывшей женой — Светой, ехал уже не первые сутки до поселка Колотки. Пришлось пережить четыре пересадки на разных вокзалах, чтобы добраться вовремя. Мужчина изначально был удивлен, что до сих пор существует железнодорожная станция «Колоткина», до которой можно доехать на пригородном поезде. Поселок уже пару десятков лет был нежилым.

Станция выглядела слишком прилично. Спустившись на перрон по металлической раскладной лестнице, Сергей подал руку бывшей супруге, помогая спуститься.

Стоило женщине ступить на бетон, как холод начал пробираться под джинсовую куртку, а на ее единственные приличные замшевые туфли начала капать вода. Сергей отговаривал ее от мысли надевать каблуки в нежилую местность. Они ведь не в театр собрались. Здесь бы в пору не то, чтобы кроссовки надевать, лучше бы подошли походные ботинки. Однако, он считал, что лучше будет ловить бывшую жену на каждом ухабе, нежели ее вообще здесь не будет.

Стоило им покинуть поезд, как он тут же тронулся, оставляя Ярцевых вдвоем на пустой станции.

Погода стояла не самая приятная. Моросил мелкий дождик, ветер колыхал ветки деревьев, задувая светлые волосы женщины в ее лицо. В поселке стоял влажный туман. Возможно дело было в том, что на улице только половина пятого утра.

Сергей раскрыл зонт, подняв его над головой Светы. Она потратила последние полчаса поездки на сдержанный макияж. И, пожалуй, впервые за долгое время выглядела достаточно прилично.

Она закрутила волосы и впопыхах спрятала их под воротник куртки. Достала из кармана брюк золотую запечатанную пачку сигарет «Ява», розовую зажигалку. Прикрывая огонь рукой, подкурила. Глубоко вздохнув, запрокинула голову назад и с облегчением выдохнула.

Она никогда не была утонченной, даже в день их знакомства — двадцать шесть лет назад. Грубые черты лица перекрывали легкие морщины, которые она так тщательно старалась замазать пудрой. Мужчина не понимал ее попыток скрыть возраст. Оба они были уже не молоды.

Направились вдоль единственной асфальтированной дороги. Идти предстояло долго. Света осторожно вышагивала на каблуках, ни разу не оступившись. Самым странным было то, что дорога выглядела совсем новой. Ни единой трещины, свежая разметка. Будто только вчера уложили асфальт.

Шли молча, рука об руку, впервые за долгие семь лет. И если не обстоятельства, можно было бы подумать, что это романтическая прогулка.

В Колотках Ярцевы не наткнулись ни на один целый дом. По пути встретились только пара совсем развалившихся строений, по которым и не было понятно жилые это дома или муниципальные здания.

Они добрались до возвышающейся над окрестностями четырехэтажной постройки, явно нуждавшейся в ремонте. Над входом в которую висел потертый баннер с надписью: «Краевая психиатрическая больница имени К. А. Чернышева».

Остановившись перед входной дверью, расположенной под провисшим навесом, они нерешительно смотрели на деревянную двустворчатую дверь, залитую уже не первым слоем коричневой краски.

Света потянулась к ручке, а затем, посмотрев напуганными глазами на бывшего мужа, охрипшим голосом, спросила:

— Рано еще. Наверное, закрыто?

Сергей разделял ее тревожность. Но ведь не затем они столько ехали, чтобы развернуться прямо у дверей?

Пусть путь занял не так мало времени, он и не надеялся, что их смогут принять так рано. К удивлению, внутри было шумно: туда-обратно носились санитары и врачи. В регистратуре немалая очередь, которая вообще не двигалась. Поселок до сего момента казался совсем безжизненным.

— Кто последний? — спросил мужчина, оглядываясь по сторонам.

Множество людей стояло в хаотичной очереди. Кто-то у самой стойки, кто-то сидел на металлических многоместных скамьях. Некоторые перешептывались между собой о том, что к ним так никто и не подошел, что регистратура все еще не работает, хотя вокруг много персонала. «Они ведь уже на работе, могли бы и подойти».

Узнав, кто из многочисленных людей пришел перед ними, Сергей принялся ждать.

Он повернул голову к Свете, которая сейчас сжимала большую черную сумку из кожзаменителя. Та беспокойно оглядывалась по сторонам, то и дело поворачиваясь на каблуках.

Регистратура открылась только спустя час. За это время никто больше не подходил.

— Наверное, люди приезжают по расписанию поездов. Следующий будет только в десять, — предположил Сергей.

Света лишь слегка кивнула в ответ.

Вечная болтушка с момента их отъезда произнесла лишь пару фраз, больше связанных с поездкой, нежели с самим пунктом назначения.

Ему хотелось думать, что люди просто опаздывают, вместо того чтобы признать, что сюда больше никто не приедет.

Спустя пару часов стояли у окошка регистратуры. Перед ними осталась одна бабушка сильно преклонного возраста. Трясущиеся морщинистые руки держались за стойку:

— Скажите, мой внук жив или мертв? — Поправив ситцевый платок на голове, она медленно засунула руку в карман и достала оранжевый носовой платок, чтобы вытереть слезы с глаз. — Я просто хочу найти своего мальчика. Я не могу ходить по улице — вижу его в каждом мальчике.

Сергей почувствовал, как отчаяние витало в воздухе и казалось осязаемым. Его сердце стучало настолько громко, что он взглянул на Свету, уверенный, что ей тоже слышно. Но женщина, как и все вокруг, делала вид, что это не ее дело. И они были правы — это личное дело каждой семьи.

— Назовите имя и возраст.

— Тринадцать лет, Дима Смеянов.

Бабушке выдали какие-то документы и направили в кабинет. Теперь пришла их очередь.

За оргстеклом сидел здоровенный смуглый мужчина в голубой медицинской форме, ростом почти под два метра. Больше напоминал разнорабочего, нежели медперсонал.

У него были сильные руки, и Сергей не мог избавиться от ощущения, что, если что-то пойдет не так, этому громиле не составит труда их удержать.

— Здравствуйте, — наклонившись к окошку, начал говорить он. — Мы приехали за сыном.

— Назовите имя и возраст, — мужчина повторил набившую оскомину фразу.

— Ярцев Илья Сергеевич, одиннадцать лет.

— Документы.

Сергей суетливо достал свой паспорт из нагрудного кармана, затем повернулся к бывшей жене, которая уже второпях рылась в сумке в поисках остальных документов.

Мужчина поднялся со стула и принялся искать карточку на полке за спиной. А затем, вернувшись на место, посмотрел на бывших супругов исподлобья, потер нос, передал карточку с информацией о ребенке и свидетельство о рождении.

— Вам нужно в двенадцатый кабинет, к главврачу. Это направо по коридору.

Сергей поблагодарил его и вместе с бывшей женой направился к кабинету.

Главврач — Глеб Алексеевич — сам уже был не молод. Молчаливо потирая очки, выдал им рассчитанный на год рецепт на препараты, несколько блистеров с таблетками и медицинскую карточку, в которой вряд ли было хоть слово правды, но к которой были прикреплены полис обязательного медицинского страхования и СНИЛС.

— Вам нужно прикрепить ребенка к краевой поликлинике номер двенадцать до конца июля, — выдохнул старик осиплым голосом.

— Хорошо, — кивнул Сергей, положив руку на дергающееся колено Светы. Она легонько дернулась, но ничего не сказала.

— Также хочу напомнить, что вам нельзя вывозить его из края.

— Да, — суетливо ответил мужчина, — мы уже сняли дом в Руденовске. Там и поселимся.

— И просьба не забывать о подписанном соглашении, во избежание каких-либо проблем.

— На этом все? — Света, слегка наклонившись вперед, сцепив руки в замок.

— Да. Подойдете в регистратуру, укажете новый адрес проживания, отдадите вот это, — Глеб Алексеевич пододвинул к ней какую-то бумажку, — и санитар отведет вас к сыну.

— Он здоров? — голос сорвался на хриплый шепот.

Вопрос, который копился месяцами, вырвался наружу.

Главврач пожал плечами, избегая ее взгляда.

— Стабилен. Свидетельство о рождении вам уже отдали?

— Да, — торопливо ответила женщина. — Но что поменялось?

Помотав головой, старик с причмокиванием облизал нижнюю губу, потер дряблый кадык, хлебнул воды:

— Что вы имеете в виду?

Сергей был готов поспорить, что голос врача почти дрогнул на этом вопросе. Подойдя к жене со спины, он положил руки ей на плечи и, улыбнувшись, пожал плечами:

— Так ли это важно, милая?

Она подняла голову, посмотрела на бывшего супруга и на долю секунды о чем-то задумалась, затем снова посмотрела на врача:

— Мы не один месяц обивали все пороги, чтобы его забрать. А теперь вы так просто его отдадите?

— Не знаю, что вы хотите услышать, — опершись о стол руками, врач сложил их в замок. — Нам перекрыли финансирование, проект заморозили. Все рекомендации — на бумаге.

Повисла тишина. От сквозняка, проникавшего сквозь щели в стенах, по спине пробежал холодок. Положивший руку на плечи бывшей жены, Сергей почувствовал, как ее напряжение передается ему.

— Пойдем, — тихо сказала она, первой поднимаясь с потрепанного стула.

Очереди в регистратуре больше не было. Множество посетителей и персонала носились туда-сюда. Мужчина за окошком посмотрел на бумажку, что Ярцевы передали от главврача, и усмехнулся:

— Паш, — обратился он куда-то за спину супругам, — в триста вторую пришли. Есть бумажки.

Из-за угла выглянул тощий мужчина в грязном халате. Его морщинистое лицо было серым и неживым. Он скользнул взглядом по Сергею и Свете, задержавшись на них лишь на мгновение, после чего уставился на бумаги.

— Это ваши? — не глядя, спросил он хриплым голосом.

Света кивнула, не в силах произнести ни слова.

— Тогда за мной.

Паша развернулся и пошел по коридору. Ярцевы переглянулись и последовали за ним. Света теперь выглядела чуть более решительно, хоть и все еще оставалась немного дерганной.

Регистратор хмыкнул и откинулся на спинку стула, наблюдая за ними с нескрываемым презрением.

Пока они шли, коридор становился все более мрачным и запущенным. На стенах виднелись трещины, краска осыпалась, обнажая голый бетон. Запах был тошнотворным — смесь сырости, хлорки и чего-то гниющего.

Паша остановился перед дверью без номера. По обе стороны от нее, прислонившись к стене, стояли два мужчины в темно-зеленой камуфляжной форме. На груди — бронежилеты, на плечах — короткие автоматы Калашникова с откинутыми прикладами, магазины обмотаны изолентой. Оба просто смотрели прямо перед собой, как манекены. Паша, не глядя на них, толкнул дверь и пропустил Ярцевых внутрь.

— Он здесь.

Сергей почувствовал, как у него похолодели руки. Они наконец-то добрались до сына, но почему-то его это совсем не радовало.

Внутри находилось порядка сорока кроватей. Половина из них занята детьми и их родственниками. В отличие от остальных помещений, палата выглядела относительно новой: бежевые, недавно окрашенные стены, пластиковые окна и двери, и кондиционер, которого не было даже в кабинете главврача.

Многочисленные койки и постельное белье выглядели совсем новыми. По крайней мере те, что пустовали.

В углу рядом со входом, у единственной раковины стояла девочка. Она была ростом чуть ниже Сергея, но при этом очень худой, с длинными руками и ногами, которые казались непропорциональными телу. Она как-то суетливо оттирала руки, чем привлекала к себе внимание. Когда дверь захлопнулась, девочка украдкой взглянула на них. Кожа вокруг ее глаза была темно-красной, с переходом в фиолетовый синяк, который уже начинал расплзаться к виску. Местами проступали желтые оттенки. Сам глазной белок был ярко-красным: под конъюнктивой лопнули мелкие сосуды, и кровь растеклась неровными пятнами, особенно густо у внутреннего угла и снизу. Заметив на себе пристальный взгляд, девочка быстро отвернулась.

Все дети были чисто вымыты, острижены, одеты в казенную одежду. В каждом движении, в каждом взгляде сквозила усталость, которую не скрыть никакой чистотой. Все в синяках и ссадинах. Кто-то лежал под капельницей. Они не улыбались. Не плакали. Не разговаривали с родными, которых в палате тоже было немало. Они просто сидели на кроватях, маленькие, потерянные.

— Ярцев! — громким командным голосом произнес Паша, ни один из детей не отреагировал. Мужчина закатил глаза, запрокинул голову назад и тяжело вздохнул. — Ну сколько можно уже? — пробубнил он себе под нос, а затем снова громко позвал: — Четыреста пятьдесят седьмой!

Из противоположного угла палаты вышел мальчик. Худой, как тростинка, с огромными карими глазами, которые казались единственным живым на бледном лице. На левой щеке красовались уже зажившие белые шрамы, переходящие на шею, а вот поперек переносицы глубокая царапина была явно свежей. Волосы были острижены почти под ноль. На нем была слишком большая серая кофта с чужого плеча, рукава закатаны несколько раз, и штаны, подвязанные веревкой. Он шел босиком, осторожно ступая по холодному линолеуму.

Вид сына был не просто жутким — он приводил Сергея в ужас. Ярцев взглянул на бывшую жену. Ее лицо перекосило от вида хрупкого, потерянного, сгорбленного ребенка с неесте-

ственно безразличным выражением лица. Он не двигался, не произносил ни слова, его взгляд был устремлен в одну точку. И всего лишь на долю секунды мужчина задумался: а точно ли это его сын?

Паша подошел к мальчишке первым и, едва коснувшись его плеча, как бы невзначай, похлопал.

Затем, бросив мимолетный взгляд, пробормотал:

— Теперь ваш. Счастливо оставаться.

И, не дожидаясь ответа, развернулся и ушел.

Света первой начала подходить к сыну, и от стука каблука мальчишка невольно зажмурился, но остался стоять на месте. Женщина обернулась на бывшего мужа и стала двигаться медленнее. Положила руку на его плечо, прощупывая, словно пытаясь понять, реально ли все это.

— Илюш?

Мальчик вздрогнул, но не ответил. Он продолжал смотреть в пустоту. Сергей подошел ближе, присел рядом с сыном:

— Привет, — голос звучал тише обычного, нежный, будто бархатный.

В этот момент в палату ворвались два здоровенных санитаров. Они тащили кричащую во все горло девушку, которая отчаянно пыталась вырваться из их хватки.

Какими бы здоровыми они ни были, вдвоем они с трудом сдерживали ее яростное сопротивление. Извивалась, как змея. Крики разносились по палате. С трудом они дотащили ее до одной из свободных коек и начали пристегивать ремнями, фиксируя руки и ноги.

Крики становились все громче и надрывнее, но никого это не волновало. Остальные пациенты и их родственники словно окаменели, стараясь не обращать внимания на происходящее.

Сергей не раз в голове представлял эту встречу, но до сих пор не знал, что он может сказать. Это ведь не так просто. Подумать только: он не знает своего сына, а сын вообще его не помнит. Семь лет как-никак — не маленький срок.

— Эй, — снова позвал он сына, протягивая свою руку, — ты хочешь уйти отсюда прямо сейчас?

Мальчик еще секунд тридцать просто стоял и молчал. Казалось, что он вообще их не слышит. Как вдруг Илья поднял свою руку, повернул к себе ладонь и пристально посмотрел, словно что-то обдумывая. А затем положил свою маленькую ручку в большую ладонь Сергея.

Сергей поднялся на ноги, колени предательски прохрустели. И вместе с сыном направился к выходу. Тяжело давалось осознание, что они могут так просто выйти из здания и уехать.

Вышли из палаты. Дверь за ними захлопнулась с тяжелым металлическим лязгом. Илья, до этого покорно шедший за руку, вдруг замер на пороге коридора.

Мальчик смотрел прямо на тех двоих мужчин с автоматами. Глаза его расширились, зрачки стали огромными, черными. Он медленно повернул голову, озираясь, будто искал другой выход, которого не было. Дыхание стало частым, прерывистым; Сергей почувствовал, как пальцы ребенка сжались до боли.

Один из вооруженных лениво оттолкнулся от стены. Ткнул стволом автомата в сторону коридора, дальше от входа в палату.

— Выходите с другой стороны, — голос глухой, без интонаций. — Прямо по коридору, налево, потом вниз по лестнице. Там пост. Покажете бумаги.

Он не спрашивал. Он приказывал.

Света сглотнула, ее лицо побледнело еще сильнее. Она взяла Илью за другую руку — теперь мальчик был между ними, как в тисках. Сергей кивнул, стараясь не смотреть на автомат.

— Понял. Спасибо.

Они молча пошли по коридору. Илья то и дело оглядывался, пока вооруженные не скрылись за поворотом. И только тогда чуть расслабил плечи.

От прежней суеты здесь не было и следа. Тусклые энергосберегающие лампы отдавали холодом, впрочем, как и гуляющий по коридору ветер.

Коридор казался бесконечным. Слева — закрытые двери без номеров, справа — решетчатые окна. Впереди, у лестницы, уже маячил пост с таким же охранником в камуфляже, с автоматом на груди.

Они спустились по скрипучей металлической лестнице на улицу. Дождь все еще моросил. Илья покорно пошел за ними. Взгляд был по-прежнему пуст, а плечи опущены. Он не смотрел ни на них, ни по сторонам — просто ставил одну босую ногу перед другой.

Семья добралась до импровизированной будки из бетонных блоков. Он быстро оформил необходимые бумаги, не поднимая глаз от стола: штамп, подпись, отрывной корешок — и все. Ни слова, ни взгляда на ребенка. Только коротко кивнул в сторону ворот: мол, идите.

У выхода толпились дети и подростки от девяти до девятнадцати лет. Они курили, прислонившись к стенам, и сливались с клубящимся в воздухе дымом. Самое поразительное, что они курили вместе с санитарями, теми самыми людьми, чьей задачей было охранять их и заботиться. Санитары передавали пачки, прикуривали подросткам, шутили тихо, по-свойски, как старшие братья, а не надзиратели. Это выглядело дико, противостоительно и лишь усиливало ощущение, что они попали в какую-то извращенную версию реальности, где правила были перевернуты с ног на голову.

Семья заметила большой белый грузовик без номеров, припаркованный у бокового входа. Двери кузова были открыты настежь. На носилках несли тело ребенка: маленькое, завернутое в простыню, из-под которой торчали тонкие босые ноги с синюшными пальцами. Два санитаря в перчатках двигались неспешно, привычно, как грузчики на складе.

Мурашки прошли по коже Сергея. Он почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом, а сердце бешено заколотилось в груди, отбивая отчаянный ритм. Он ведь знал, что это была не больница. Здесь не лечили. Здесь хоронили. Это был какой-то склеп, склеп для живых, медленно умирающих в ожидании неизбежного конца.

И хорошо, что теперь они могут увезти отсюда сына.

Глава 2

Олеся Алферова, как всегда, проснулась ни свет, ни заря. Жмурясь, зевнула, прикрывая открытый рот рукой. Была бы ее воля, она бы и не поднималась, но домашние обязательства нужно выполнять. К тому же сбивать режим было не в ее правилах.

Повернула голову и посмотрела на тихо похрапывающего мужа. Тусклые лучи солнца, прорывающиеся через щель в занавесках, позволяли разглядеть его безмятежное лицо: мелкие вкрапления родинок, разбросанные по щекам, вздымались под ровным, спокойным дыханием. Рот был слегка приоткрыт, позволяя вырываться этим мягким, ритмичным похрапываниям, таким знакомым и родным. На длинных ресницах лежало мелкое перышко. Олеся усмехнулась и аккуратно убрала его пальцами, проводя кончиками по его щеке. Такой гладкой, без привычной щетины, которую он обычно забывал сбивать в спешке. И хоть она понимала, что муж вряд ли проснется, даже если трактор прокатится по комнате, все равно старалась вести себя тихо, не желая нарушать этот редкий момент абсолютного покоя.

Его тело, раскинувшее ноги и руки по кровати в хаотичном порядке, занимало почти всю постель. Голова склонилась на бок, запрокинутая назад в полной расслабленности, без подушки, которая валялась где-то на полу еще с ночи.

Олеся нежно улыбнулась, а затем, тяжело вздохнув, взглянула на часы. Шесть утра. А значит, время подниматься. Пока весь дом еще погружен в сон, женщина медленно встала с постели и босыми ногами, на цыпочках, вышла из комнаты, осторожно закрывая за собой дверь.

Поставила чайник на плиту. Накинув потрепанную куртку мужа, которую тот надевал для работы во дворе, залезла в утепленные галоши и вышла на прохладную улицу.

По коже пробежал холодок. Еще рано, так что едва вставшее летнее солнце пока не так сильно согревало. Она оглянулась по сторонам.

На бельевой веревке висело постельное белье. Она постирала его поздно вечером и решила не снимать на ночь. Приглушенный звук лая разносился по округе.

Это была собака их соседей — Кудиновых. Кудиновы были единственными на их улице, кто завел собаку. Маленького такого терьерчика. Вообще и у Олеси не раз проскакивала такая мысль, у них даже собачья будка была. Купили ее вместе с домом и не стали убирать. Подумали, вдруг понадобится. Но как-то все не до этого было, да и дополнительную ответственность брать на себя не хотелось. Хотя, если их сын попросит, наверное, отнекиваться они с мужем не будут.

Спустившись с крыльца, Олеся дошла до углярки. Сняла навесной замок с крепления и, ступив одной ногой внутрь, достала из рабочих перчаток, висящих на гвозде, пачку тонких сигарет. Обычно она хранила их в доме, но на прошлой неделе Димка — так звали их сына — неожиданно забежал в ограду, чтобы попить воды, и Олеся быстро бросила начатую пачку в углярку. С тех пор это один из ее тайников. В конце концов, летом они печку не топят и в углярку заходят крайне редко.

Трясаясь от холода, Олеся прижала локти к бокам, пытаясь сохранить хоть немного тепла. Июль уже заканчивался, но ночи у них все равно были холодными. Она быстро выкурила свою утреннюю сигаретку со вкусом яблока и направилась обратно в дом.

Услышав слив воды в бачке и шум половицы, Олеся поняла, что семья начинает понемногу просыпаться.

— Доброе утро, — услышала она, стоило только взять зубную щетку, стоящую у кухонной раковины.

В туалете раковины не было, так что семья умывалась либо в бане, либо на кухне.

— Уже проснулся? — сонно спросила женщина, откручивая крышку зубной пасты.

Димке недавно стукнуло одиннадцать, и тут же случился какой-то заскок, причины которого он не хотел озвучивать матери, но теперь каждое утро вставал к шести и ходил до речки.

— Я проснулся, Стас еще дрыхнет, — почесал затылок мальчишка и зашел обратно в комнату.

Олеся знала, что у нее есть еще минут пятнадцать до того, как мальчишки окончательно встанут.

Дима прошлепал до кровати и присел на край, рассматривая уже неделю ночевавшего у него друга — Стаса Туменского.

Стоило Алферову вылезти из-под одеяла, как друг тут же завернулся в него целиком, как гусеница в кокон, и продолжал мирно посапывать.

Растормошить его руками со словами «Вставай!» не удалось. Да, впрочем, никогда и не удавалось. Дима раздраженно закатил глаза и принялся стягивать одеяло, но из цепких рученок Стаса сложно было вытащить последнюю возможность нормально отоспаться. Дима всегда знал об этой его особенности. В конце концов Стас ночевал у них дома почти все лето, как и в любое другое время года за последние семь лет.

Стас до последнего сопротивлялся, пока не слетел с кровати с тем самым одеялом, а затем со словами: «Еще пять минуточек» заполз обратно, укрывая себя и Димку.

— Хорошо, пять минут, так пять минут. — Дима убрал руки под голову и, вальяжно подтягиваясь, зевнул. — Стас, — начиная звать тихо, он с каждым разом говорил все громче и громче, — Стас, Стас, Стас, Стас, Стас...

Туменский тяжело и с хрипотцой в горле вздохнул, недовольно цокнув, повернулся к Диме и с психом ответил:

— Ну что?! Что?! Что?! Что?!

Друг надменно хихикнул и легким движением руки перебросил со стула, стоявшего у кровати, спортивные штаны Туменского прямо в его лицо.

— Пора просыпаться, — самодовольно произнес он почти нараспев.

— Почему мы не можем выспаться? Хотя бы один денек, один долбаный денек.

— Не, ну если ты не хочешь больше со мной никуда идти...

— Вот ты дурак, — усмехнулся Стас, потянувшись на постели.

— То, конечно, можешь лежать дальше под теплым одеялом...

— Хорош эту чепуху нести, — засмеялся Стас и этот смех передался на друга, — лучше сам вставай давай!

Одновременно вытянув руки перед собой, мальчишки поднялись с постели и в спешке принялись одеваться.

Стас первым выскочил из комнаты и умыкнул кружку Олеся с кофе. Это был ее утренний ритуал: чайная ложка растворимого кофе, две сахара и сливки. Ритуал, без которого женщина чувствовала себя раздраженной.

— Поставь на место, — не оборачиваясь сказала она, разбивая яйца в пластиковую миску.

Мальчик сделал пару глотков и вернул кружку на место. А затем залез в холодильник:

— Теть Олесь, есть что покушать?

— Можете сделать пару бутербродов или немного подождать, и будут блинчики с творогом.

— Блинчики? — переспросил мальчишка, уже жуящий кусок колбасы, что не могло не улыбнуть Олеся.

Дима, ухватив Стаса за шкурку, потащил его к выходу. Хотя последний все же успел схватить еще и кусок сыра.

— Куда? — вскрикнула мать, недовольно уперев руку в бедро. — А умыться?

— Мам, мы в бане умоемся.

Быстро залетев в шлепки, мальчишки удрали из двора через калитку. Нет, в баню Дима, конечно, забежал, но только на секунду, чтобы прихватить полотенце. Олеся прекрасно понимала, что ее слова они пропустили мимо ушей. «Ну что ж» — подумала она, — «Не будут есть, пока не почистят зубы».

Дом Алферовых стоял на самой окраине поселка Руденовск. За ним был только еще один дом, а дальше лес и Кирча — речка, которая протекала через весь их край.

В соседнем доме раньше жили тетя Люда с дядей Витей — милая пожилая пара, у которой своих детей не было. Дима помнит, что часто у них гостил лет в шесть, но потом тетя Люда умерла от какой-то болезни, а дядя Витя последовал за ней где-то через неделю. Дима тогда очень долго плакал. С тех пор дом и пустует. Он вроде как принадлежит какому-то дальнему родственнику дяди Вити, но тот сюда ни разу так и не приехал.

Мальчишки шли вдоль проселочной дороги, до соседней улицы, а затем через протоптанную ими же лесную тропинку направились в сторону речки.

Людей на улице не было видно. Кроме Лены Кудиновой — шестнадцатилетней внучки бабушки Вали, чей дом стоял через пару домов от них. Она приехала на лето, как всегда, с чемоданом модных шмоток и аурой, которая делала ее похожей на героиню какого-то подросткового сериала. Она тоже поднималась пораньше, чтобы выгуливать собаку. Иногда перекидывалась с мальчишками парой слов, а иногда как сегодня — сидя у крыльца своего дома просто здоровалась.

На улице постепенно становилось теплее, но проходить под тенью деревьев все равно было прохладно. Тишина вокруг нарушалась только голосами мальчишек, да редкими птичьими криками и шелестом листвы.

— Да ты все одеяло забрал, — возмущался Дима, — еще и жалуешься на что-то. Я чуть не замерз, пока ты там храпел, как трактор.

Стас еще не проснулся и, закрыв глаза, широко зевнул. Это было ошибкой, ведь из-за прикрытых на пару секунд глаз, он запнулся об ветку. Громко выругавшись, чуть не распластался на земле. И ему пришлось нагонять Димку, который, казалось, и не заметил, что друг отстал.

— Извини, я не специально, — сказал он, когда сравнялся с Димкой.

Путь до Кирчи был не самым близким, но они на протяжении месяца проходили его каждый день. А все потому, что Димке приспичило немного подкачаться. Так что он решил плавать по утрам и отжиматься, а когда его привозили в гости к Стасу, то тащил его на турники.

Сам Стас жил со своим дядей Лешей в городе Билеевске. Это в десяти километрах от Руденовска, если идти по дороге, а если срезать через лес, то вообще семь. Можно даже на автобусе доехать, хотя родители запрещают им самим ездить куда-то. Правда, мальчишек это редко останавливает.

Руденовск сам по себе не большой поселок. Население чуть больше пятисот человек. Хотя, там даже есть одна школа. В ней правда учат всего до девятого класса, и родители Димы решили, что его лучше отдать в школу в Билеевске.

Билеевск тоже нельзя назвать большим городом. Ему вообще присвоили статус города, а не поселка городского типа только из-за наличия металлургического завода. Но там есть многоэтажные дома, целых семь школ, магазины, автобусы, даже базар свой. А в Руденовске что? Один супермаркет, пара ларьков, да поля с картошкой.

Дети быстро добрались до речки. Как такого берега там не было. Среди травы и камышей, опоясывающих воду, стоял небольшой деревянный пирс.

Дима был немного выше Стаса. Он скинул футболку, швырнув ее на сухую траву, скинул шорты вместе со шлепками и с разбега занырнул в прохладную речку. Тело вошло в воду чисто, почти без брызг. Сначала холод коснулся лица, потом плеч, живота, ног. Кирча не была ледяной, но достаточно бодрящей, чтобы кожа мгновенно покрылась мурашками.

Он вынырнул с громким выдохом. Холодный воздух ударил по мокрой коже и мальчик инстинктивно сжал плечи. Руки сами собой взлетели к предплечьям: он быстро, энергично начал натирать их ладонями, от плеч вниз, потом скрестил руки на груди и принялся тереть бока и плечи одновременно.

Белая аристократичная кожа Стаса резко контрастировала с загорелой Диминой. Туменский скривился и бросил взгляд вниз:

— А водичка-то холодная, — усмехнулся он, усаживаясь на край пирса и свешивая ноги. Болтающиеся вперед-назад они едва касались мутной поверхности воды.

— Эй, Стас, давай, прыгай, или слабо?

— Не, давай сам, я не собираюсь жопу морозить.

Дима вздернул бровью, недовольно цокнул и, присев в воду, быстро вынырнул. Подплыв к Стасу, он ухватив его рукой за голень и дернул вниз.

Стас взвизгнул — коротко, по-мальчишески высоко — и резко отшатнулся назад, едва не свалившись с пирса в другую сторону. Ноги его дернулись вверх, брызнув водой, а руки вцепились в доски так, что костяшки побелели.

— Дим, прекрати! — выдохнул он, голос дрожал, глаза расширились. — Я серьезно, не надо! Я... боюсь.

Он сидел, прижав колени к груди, и смотрел на друга сверху вниз — мокрого, улыбающегося, такого уверенного. Вода стекала с волос Димы, капала с подбородка, а сам он держался за край пирса одной рукой, другой отряхивая лицо.

Дима фыркнул, закатывая глаза.

— Ой, какие мы нежные! — протянул он насмешливо, — Я вообще не понимаю, как воды можно бояться, тут же мелко.

— Я не воды боюсь, а того, что в воде!

— Да, да, да, ты всего боишься.

Дима раздраженно фыркнул, оттолкнулся от пирса и поплыл вперед, рассекая воду уверенными гребками. Нырнул пару раз, выныривая с громким «у-ух!», потом перевернулся на спину, раскинул руки и просто лежал.

Через несколько минут он повернулся на друга, который водил рогозом по воде. Подплыл обратно к пирсу, ухватился за край и одним движением подтянулся, вылезая на доски. Вода стекала с него ручьями, оставляя мокрые следы на потемневшем дереве. Дима встряхнулся, как собака, брызнув во все стороны, и потянулся за полотенцем, которое лежало рядом с брошенной одеждой. Вытерся быстро, небрежно: сначала волосы, потом грудь и руки.

— Жесть! Как псина, — прокомментировал Стас, все еще сидевший на краю.

— Ну что, ссыкун, готов? — подколот Дима, подходя ближе и бросая полотенце на траву.

Далекий от спортивного образа жизни Стас закатил глаза, высунув язык тяжело вздохнул.

Они оба легли на пирс животом вниз и, уперевшись ладонями в доски, принялись отжиматься. Дима сразу начал ровно, уверенно — тело поднималось и опускалось как по линейке. Стас рядом старался, но уже на третьем разе руки его задрожали. Он был худощавее, плечи узкие, мышцы еще не окрепли по-настоящему. С трудом, с красным лицом и тихим сопением, он дотянул до четырех — на пятом плюхнулся грудью на доски и остался лежать, тяжело дыша.

— Пять... — выдохнул он, перекатываясь на спину. — Все, я труп.

Дима тем временем дошел до девяти. На последнем отжимании он задержался наверху, напрягся, потом самодовольно поднялся на ноги, отряхивая ладони. Грудь его ходила ходуном, но улыбка была широкой, победной.

— Девять! — объявил он громко, будто комментатор на стадионе.

Стас закатил глаза, но рассмеялся.

— Ну и хвастун же ты... Ничего, когда-нибудь...

— Мечтай, мечтай, — Дима протянул руку, помогая другу встать.

Утренние процедуры были закончены. И пока сонный Стас и бодрый Димка возвращались домой, глава семейства Алферовых впопыхах одевался на работу.

Накинув толстовку, он толкнул дверь спальни и вышел на кухню. В цветастых носках прошел несколько шагов и сразу почувствовал запах: теплый, густой, почти осязаемый. Запах свежего теста, поджаренного на сливочном масле. Блины. Не просто блины — именно ее блины: с легкой ноткой ванили, с той самой хрустящей корочкой по краям, которая появляется, когда масло в сковороде уже хорошо разогрето.

Олеся стояла у плиты в теплом махровом халате, волосы собраны в небрежный хвост, на лице легкая улыбка — та, что появляется, когда она полностью погружена в процесс. От нее всегда веяло теплом и уютом. Сковорода тихо шипела, лопатка аккуратно поддевала край очередного блина, переворачивая на другую сторону. Золотистые круги один за другим ложились на блюдо.

На холодильнике работал маленький телевизор — новости, как всегда по утрам. Голос диктора был тихим, ненавязчивым фоном, сливался с шипением масла и легким позвякиванием посуды.

«...Этим утром в одной из больниц Домнагорска разыгралась по-настоящему шекспировская трагедия. Семнадцатилетний Лев Мухин, одержимый неразделенной влюбленностью в своего лечащего врача Баженову Анну, совершил ужасное преступление: он убил женщину, расчленил ее тело и закопал останки в нескольких местах на территории больницы. Зубы жертвы, по предварительным данным следствия, подросток оставил себе на память. Тело было обнаружено рано утром, когда сотрудники больницы наткнулись на подозрительные следы на территории. Подросток задержан на месте, он не сопротивлялся аресту и сразу начал давать показания...»

Звук от телевизора разносился по всей кухне, но Максим не вслушивался. Он слышал только знакомый ритм движений, видел, как она чуть наклоняет голову, проверяя, готов ли следующий блин, и чувствовал, как запах заполняет всю кухню, вытесняя остатки сна.

Олеся обернулась, заметила его и улыбнулась шире.

— Проснулся?

— Ага, — пробормотал Максим, подходя ближе и зевая на ходу. — Хорошо не проспал. Ну и жуть ты смотришь по утрам.

Он кивнул на телевизор, где все еще бормотали про это дело. Шолос диктора был приглушенным, но слова все равно цеплялись за край сознания. Он взял пульт с края стола и начал переключать каналы: новости, реклама, погода, снова новости... Наконец наткнулся на мультики с дурацкой веселой музыкой. Уголки его губ дрогнули в довольной улыбке. Вот так лучше.

Отложил пульт и, не отходя от Олеси, потянулся к верхней тумбочке рядом с ней — той, где хранился чай. Пальцы едва дотянулись до пачки на верхней полке. В этот момент рука его задела бутылку подсолнечного масла, стоявшую на краю. Та качнулась, соскользнула и полетела вниз.

Олеся, даже не глядя, молниеносно выставила свободную руку и поймала бутылку на лету. Ладонь сомкнулась точно, без единого звука. Она поставила масло рядом с плитой, продолжая другой рукой следить за блинами, будто ничего не произошло.

Максим замер, глядя на нее с притворным восхищением.

— Это что за магия? — выдохнул он, наконец доставая чай.

Олеся только хмыкнула, не отрываясь от плиты.

— Привычка. Когда с тобой живешь — рефлексy развиваются.

Он рассмеялся тихо, обнял ее одной рукой за талию и поцеловал в висок. Запах ее тонких сигарет со вкусом яблока — тех самых, которые она так тщательно прятала — ударил в нос. Он всегда его чувствовал. Этот запах цеплялся за волосы, за кожу, за одежду — легкий, сладковатый дым с искусственной яблочной нотой, которая должна была маскировать табак,

но только подчеркивала его. Пачки лежали в нижнем ящике старого комода в предбаннике, под стопкой аккуратно сложенного белья, или в каких-то других ее тайных закромах: за книгами на полке, в кармане зимней куртки, в коробке из-под обуви. Она никогда не курила при нем. Знала, что ему это не нравится. Не то чтобы он устраивал сцены — нет, никогда. Просто хмурился, отводил взгляд, говорил тихо: «Зачем тебе это, Лесь?»

— Позавтракаешь с нами? — спросила Олеся, пока муж добавлял третью ложку сахара в свой чай.

Максим взглянул на круглые настенные часы, висевшие над холодильником, что-то прикинул в голове, а затем замотал головой:

— Уже не успеваю. Завернешь с собой? — спросил он, в ответ на что Олеся подняла в руке целлофановый пакет с блинами. — Ты прелесть.

Максим схватил пакет, благодарно кивнув, и наклонился к синему рюкзаку, стоявшему у ножки стула — старому, потрепанному, с выцветшим логотипом какой-то давно забытой фирмы. Каждый день он таскал в нем контейнер с обедом, бутылку воды, иногда яблоки из огорода. Сейчас рюкзак был раскрыт, молния расстегнута до половины. Он уже собирался кинуть пакет внутрь, как взгляд случайно скользнул по ноге Олеси: на внутренней стороне голени, чуть выше щиколотки, белел небольшой пластырь.

Максим замер, выпрямляясь.

— Порезалась, что ли? — спросил он, нахмурившись.

Олеся взглянула вниз, будто только сейчас вспомнила, и пожала плечами.

— Нет, это Лаки.

— Соседская собака?

— Да, соседская собака.

Он поставил рюкзак на пол и шагнул ближе, присев на корточки, чтобы лучше разглядеть. Пластырь был свежий, аккуратно наклеен, но под ним угадывался укус маленьких, собачьих клыков.

— Господи, — выдохнул он, — надеюсь, бешенства нет. Тебе может прививку какую-то поставить надо? От столбняка там, или...

Олеся закатила глаза, но в голосе сквозила нежность.

— Перестань, а то у меня от тебя бешенство начнется.

— Я ведь переживаю, — пробормотал он, поднимаясь и глядя снизу в вверх.

— Ты слишком переживаешь, — ответила она, поворачиваясь обратно к плите. — Это всего лишь маленькая собачка. Просто испугалась, с ними такое бывает. Кстати, Лешка звонил. Он приехал на день раньше, хочет заехать, Стаса забрать.

Максим кивнул, но в глазах все еще стояла легкая тревога. Отхлебнул чай из кружки и поставил ее на ближайшую тумбочку.

— Так, погоди, он же вроде завтра на какую-то встречу собирался?

— Вроде да, он на день всего его забрать хочет.

— Ну, а смысл? Там даже не день, так одна ночь получается. Чего его таскать-то туда-сюда? Пусть у нас остается.

Олеся, не отрываясь от сковороды, тяжело вздохнула. Она тоже не видела смысла в этом отъезде на ночь. Тем более ребенка придется поднимать с позаранка и везти обратно. Хотя и здесь, у них дома, Стасу тоже не особо дают выспаться: то Димка разбудит, то они вдвоем до полуночи засидятся за телевизором.

— Давай у Стаса спросим, как он хочет. Не будем за него решать.

Максим кивнул, уголки губ растянулись в мягкой улыбке.

— Да, конечно, как скажешь, любимая.

Входная дверь со скрипом распахнулась. Внутрь влетел Стас. За ним, придерживая дверь, ввалился еще не высохший Димка.

— О, вижу, опять утренние процедуры, — усмехнулся отец, окидывая мальчишек взглядом.

— Ага, доброе утро, пап.

— Доброе утро, Максим, — выпалил Стас на одном дыхании и тут же рванул к столу, где возвышалась стопка блинов.

Его рука уже тянулась к верхнему, когда ладонь Олеси шлепнула по запястью.

— Ай, за что? — Стас отдернул руку и обиженно потер место удара.

— Пока зубы не почистите, чтоб я вас тут не видела! — строго сказала Олеся.

Стас выдвинул нижнюю губу, надулся на секунду, потом резко выдохнул вверх. Черная челка взлетела и снова упала на глаза. Он недовольно покосился на Димку, который стоял рядом и беззвучно хихикал, и направился к двери в коридор, шаркая ногами.

— Парни, подождите, — остановил Максим, голос стал серьезнее. — Я сегодня задержусь на работе. Огород полейте вечером, ладно? И там град передавали на завтра — помидоры, перец, все закройте с вечера пленкой или чем найдете, чтобы не побило.

Олеся, не отрываясь от плиты, тихо добавила:

— Нам бы теплица не помешала.

Максим повернулся к ней, приподняв бровь.

— Хочешь теплицу?

— Хочу розы выращивать, — ответила она, улыбаясь уголком рта. — Да и проще будет. С теми же помидорами, огурцами... Не надо каждый раз бегать прикрывать.

Максим уже открыл рот, чтобы ответить, как Стас, остановившийся в дверях с зубной щеткой в руке, неожиданно выдал:

— А можно пораньше это все сделать? Мне Леша смс-ку прислал, что приедет.

Максим обменялся быстрым взглядом с Олесей.

— Стас, послушай, — начал он спокойно, но серьезно. — Мы с мамой... с Олесей только что об этом говорили. Поездка туда-обратно — это одна ночь всего. Может, тебе удобнее будет остаться здесь, у нас? Леша заедет, посидите с ним и не надо будет рано вставать.

Олеся кивнула, подходя ближе и вытирая руки о фартук.

— Да, солнышко. Мы не против, чтобы ты еще погостил. Диме тоже веселее с тобой. Но если хочешь домой — тоже нормально. Решать тебе, мы не будем настаивать ни на чем.

Стас на секунду замер. Максим заметил, как дрогнули уголки губ. Стас пожал плечами, стараясь говорить ровно:

— Ну да... так и правда удобнее. Не надо Лешу гонять туда-сюда. Я останусь.

— Ну хорошо, — подытожил мужчина, а затем схватил верхний блин пальцами и, тут же отдернул руку, шипя сквозь зубы. Блинок был адски горячим, только что со сковороды, пропитанный маслом и жаром. — Ай, черт... — выдохнул он, но отпускать не стал.

Держа за самый краешек большим и указательным пальцами, он начал перебрасывать его с ладони на ладонь.

— Возьми снизу, наверху горячие.

Но Максим уже приноровился: блинок стал чуть прохладнее, податливее. Он быстро сложил его пополам, потом еще раз. Получилась горячая, маслянистая четвертинка. И впихнул в рот целиком, жуя на ходу и морщась от жара.

— М-м-м, вкусно, — промычал он с набитым ртом, хватая рюкзак. — Спасибо, любимая. Я побежал!

— Стоять.

Максим замер, медленно повернул голову. Олеся резко обернулась от плиты, лопатка все еще в руке, губы сжаты в тонкую недовольную линию, брови сдвинуты.

— Мусор возьми, — сказала она четко. — Ты вчера опять не вынес, хотя я три раза просила.

Мужчина театрально вздохнул и закатил глаза к потолку. Но через секунду уже подскочил к ведру под раковиной, подхватил туго завязанный пакет с мусором.

— Будет сделано, командир, — ответил он с широкой, обезоруживающей улыбкой, подходя к ней. Наклонился и чмокнул в щеку, оставив легкий след масла. — Не сердись, я все исправлю!

Олеся покачала головой, слабо улыбнулась. Максим, несмотря на свою ребячливость, всегда умел ее успокоить, даже в спешке.

Он уже обувался, когда жена, повернувшись к холодильнику, открыла дверцу в надежде достать бутылку холодного лимонада, который она пару дней назад купила себе в магазине, специально спрятав на верхней полке за йогуртами. Но бутылки не было.

— А где мой лимонад? — крикнула Олеся с легкой подозрительностью.

— Понятия не имею! — отозвался громко муж, но с той интонацией, которую она слишком хорошо знала: невинная, чуть повышенная, как у ребенка, которого поймали за руку.

Дверь хлопнула, следом послышались его торопливые шаги во дворе — быстрые, удаляющиеся, с легким хрустом под подошвами.

Оглянув детей, она легко улыбнулась, а мальчишки громко рассмеялись.

Старая, бордовая девятка добросила Максима до работы за двадцать минут. Можно было бы добраться быстрее, вот только ограничение по скорости останавливают.

Он работал на складе автомагазина в Билеевске. Конечно, не очень удобно добираться, но в поселке найти нормальную работу было не самой простой задачей. Когда они только купили дом, он иногда подрабатывал на полях. Но работа сезонная, и платят немного. Ему тогда было всего двадцать, спина тогда еще не болела. Хотя сейчас ему двадцать восемь, вроде как тоже болеть не должна. Но «не должна болеть» и «не болит» — это два совсем разных понятия.

На склад Максим устроился разнорабочим: сколачивать ящики, перевозить крупногабаритные коробки, разгружать и загружать машины. Но начальник Гриша быстро понял, что Максим — далеко не глупый парень, хоть и имеет всего девять классов образования. И начал давать ему дополнительные задачи: посчитать остатки, раздать задания бригаде, съездить до поставщика. Максим не возражал, все лучше, чем восемь часов подряд что-то таскать.

Обычно рабочий день начинался в восемь утра и заканчивался в пять вечера. Но сегодня — инвентаризация, а значит, уйти домой раньше восьми вряд ли получится. Зато переработка, а лишние часы сейчас очень даже не помешают.

Они с Олесей слишком рано обзавелись ребенком, выбора особо не было. Деньги нужны были здесь и сейчас. Школа казалась глупостью — «потом доучусь». Сейчас он был бы не против хоть какого-нибудь профильного образования.

Склад магазина автозапчастей встретил Максима холодным флуоресцентным светом. Лампы над головой слегка мерцали, отбрасывая длинные тени между стеллажами, заставленными коробками с фильтрами, дисками, амортизаторами. Воздух пах машинным маслом, картоном и легкой пылью — привычный, почти родной запах.

Инвентаризация уже шла полным ходом. Бригада — человек семь — разбрелась по рядам с планшетами и сканерами. Гриша стоял у входа в офис, потирая руки и покрикивая:

— Максим, ты за третий и четвертый ряды отвечаешь! Фильтры, масла, все до единой банки! Не торопись, но и не спи.

Максим кивнул, взял планшет и пошел в свой сектор. Работа была монотонной, но требующей внимания: поднять коробку, считать штуки, сверить с базой, отсканировать штрихкод, отметить расхождения. Иногда все сходилось — и тогда внутри возникало чувство легкого удовлетворения. Иногда нет — и приходилось перебирать заново, искать, где ошибка: то ли на складе сперли, то ли при приемке недоглядели. Хотя Максим, со своей рассеянностью, мог просто обсчитаться. Тогда приходилось пересчитывать все по новой.

Часа через два глаза уставали от бесконечных цифр, спина ныла от постоянных наклонов. Он вышел в курилку — не курил, просто дышал свежим воздухом.

Он пожал руку мужику, вальяжно потягивающему сигаретку.

— О, Максимка, вот ты ночью ничего не замечал? У меня будто пол вибрировал.

— Да у тебя еще силы остаются ночью не спать? Не, я как только домой прихожу, сразу отрубаясь, — усмехнулся Алферов, но не стал продолжать разговор.

Сегодня надо было забрать зарплату — через пару дней платеж по ипотеке вносить. Решил, что в обед заскочит к Грише, потому что вечером там очередь будет стоять из всего цеха. «И почему деньги нельзя в бухгалтерии выдавать?» — часто спрашивал он, на что Гриша лишь пожимал плечами. Хорошо бы ее не задержали.

Первое время после переезда в Руденовск у них было туго с деньгами. Они фактически жили на деньги родителей Максима. Хорошо, что здесь жил их с Олесей одноклассник — Сашка Воробьев. Он его в автомагазин и устроил.

Максим отработал тут ни один год, и по началу деньги всегда выдавались вовремя. Это, пожалуй, было одной из главных причин, почему он тут работал.

Но с год назад в октябре начались постоянные задержки в выплатах. Ну да, кризис пришелся на прошлый год, и весь мир все еще разгребал последствия.

К обеду нашли первые серьезные расхождения: десять дорогих турбин не оказалось на месте. Начальник матерился тихо, но долго. Пришлось пересчитывать весь ряд, проверять накладные за месяц. Выяснилось: ошибка в приемке, кто-то неправильно ввел партию. Гриша только рукой махнул:

— Ладно, пиши акт, разберемся.

Разнорабочему по должности не положено составлять какие-либо документы. Хоть Гриша был уже и в возрасте, но все еще по-юношески наглым. Максим прекрасно понимал, что тот перекидывает на него часть своей работы. Но опять же, лучше так, чем весь день надрываться.

— Хорошо. Гриш? — позвал Максим, когда тот уже собирался уходить, — Что по деньгам?

Гриша огляделся по сторонам, почесал лоб и сказал:

— Пошли в кабинет.

У Максима аж отлегло. Пусть Олеся и хорошо планировала их бюджет, но все же без этой зарплаты им будет совсем не на что жить. А если по ипотеке платить перестанут, то еще и негде.

Кивнув, пошел следом за Гришей через склад — мимо стеллажей с коробками, мимо ребят, которые уже заканчивали свои ряды и косились с любопытством.

Гриша сел за обшарпанный стол, выдвинул ящик, достал толстую пачку денег, перетянутую резинкой. Отсчитал десять тысяч, аккуратно, по пятитысячным купюрам. Положил их на стол и подвинул Максиму.

— Больше пока не могу, — буркнул он, не поднимая глаз. — Не выделили.

Максим замер. Десять тысяч. На неделю еды, на бензин, на коммуналку — и все. Ипотека подождет? Да ни черта.

Он взял деньги, но не убрал в карман. Просто стоял, глядя на них.

— Ты издеваешься? — вырвалось у него тихо, но с такой интонацией, что Гриша сразу поднял голову.

— Слушай, Максимка, ну ты хоть не начинай, — Гриша развел руками, голос усталый, но с привычной наглинкой. — Знаешь же, я просто выдаю. Я ж не из своего кармана плачу. Мне еще сегодня весь вечер это выслушивать от остальных.

— Что не начинать?! — голос Максима сорвался, стал громче, дрожащий. Он шагнул вперед, ладони сжались в кулаки так, что костяшки побелели. — Мне на что семью содержать?! Это когда закончится, а?

Внутри все кипело — от усталости, от того, что каждый месяц одно и то же: обещания, задержки. Он видел перед глазами Олесю, которая и так считает каждую копейку, Димку, которому новые кроссовки нужны, Стаса, который тоже практически живет у них и его нужно как минимум кормить. И дом — их маленький, но свой, за который они быются уже восемь лет.

— Максим... — начал Гриша примирительно, но тот уже не слышал.

Он сжал кулаки еще сильнее, до боли в пальцах, и выдохнул сквозь зубы:

— Хорошо. Я тогда поехал.

Развернулся, сунул деньги в карман куртки и пошел к двери.

— Куда ты поехал?! — рявкнул Гриша, вскакивая так, что стул отъехал назад с грохотом.

— Домой.

— Стой, ты чего?! — Гриша обошел стол, схватил его за рукав. — Ты ж понимаешь, сейчас все так! Кризис, мать его... Завтра-послезавтра решат, я сам начальству звонил!

— Отпусти, — Максим выдернул руку, голос уже громкий, злой. — Сколько можно?! Каждый месяц одно и то же! «Завтра», «послезавтра», «не выделили»! У меня дети, Гриша! Дом! Я не благотворительность здесь развожу!

— Да ты чего орешь?! — Гриша тоже повысил голос, лицо покраснело. — Я тебе что, враг?! Я сам в том же дерьме сижу! У меня внуки, пенсия копеечная!

— От твоей копеечной пенсии, мне знаешь, легче не стало! — Максим уже кричал, не сдерживаясь.

Они стояли нос к носу. Гриша тяжело дышал, Максим тоже. Кулаки все еще сжаты. В кабинете повисла тяжелая тишина, только где-то на складе гремели коробки.

Максим первым отвернулся. Схватил рюкзак, висевший на вешалке у двери.

— Вернись сейчас же, а то уволю!

— Вернусь, — бросил он через плечо, голос уже холодный, но все еще дрожащий. — Вот деньги все выплатишь — и сразу вернусь.

Дверь кабинета хлопнула за ним так, что стекло задрожало.

И только когда сел в машину, понял, какую же дурасть совершил. Теперь он вообще больше никаких денег не получит. Не сказать, что это было сиюминутное решение. Это копилось уже больше года. Было только вопросом времени, когда Максим сорвется. И вот сорвался. И теперь чувствует себя полнейшим неудачником. Гордость — гордостью, но у него нет такой роскоши, как уволиться. По крайней мере не сейчас.

Ладонями он потер лицо, не понимая, куда ему теперь идти и что вообще делать. Работу он быстро найти не сможет, а даже если найдет, денег в ближайшие дни все равно не увидит. Обозвав себя идиотом, он стукнул по рулю, закрыл глаза и тяжело вздохнул. Завел мотор и сидел так минуту, глядя в лобовое стекло. А потом поехал в сторону дома. А что еще было делать?

Руденовск ждал не только Максима. Семья Ярцевых уже подъезжала на железнодорожную станцию. Станция «Билеевская» — следующая после станции «Колоткина». Ехать им было всего пятьдесят минут. Но пригородный поезд отъезжал от Колоток только в сорок.

Илья сидел у окна вагона, прижавшись плечом к Сергею. Громкие голоса пассажиров, стук колес и постоянное движение вокруг не на шутку тревожили мальчишку. Он впервые ехал на поезде, да и сам поезд видел впервые.

С самого отъезда его взгляд был прикован к окну: внизу мелькали рельсы, а тяжелые колесные пары с металлическим блеском казались ему чем-то огромным и пугающим.

Эта мысль внезапно пришла в голову и прочно там засела: вот сейчас колесо сорвется и проедет прямо по его пальцам. Медленно, неумолимо, раздавливая кости. От одной только картинки в груди стало тесно, по спине пробежала дрожь.

Илья зажмурился, пытаясь прогнать эту мысль, но она возвращалась снова и снова.

Чтобы отвлечься, он медленно повернул голову и засмотрелся на сидевшую впереди женщину. Она разговаривала с соседкой и вдруг засмеялась, запрокинув голову. Мужчина через проход улыбнулся в ответ, показав зубы. Эти звуки и движения были для Ильи в новинку. Он наклонял голову, фиксируя детали: как двигаются губы, как глаза щурятся. И пытался понять, что это значит и почему они так делают.

А затем украдкой посмотрел на Сергея. Тот сидел спокойно. Высокий, плотный, с седыми волосами, которые делали его старше своих лет. На губах Сергея застыла тихая, немного грустная улыбка. Время от времени он протягивал руку — хотел погладить сына по плечу или поправить воротник, но Илья инстинктивно отстранялся, изворачивался, не желая лишних прикосновений. Сергей не настаивал: рука замирала на полпути и мягко опускалась обратно. Он просто сидел рядом, молчал и смотрел в то же окно, будто тоже впервые видел, как мелькают за стеклом деревья и столбы.

Илья до сих пор не мог осознать, что его куда-то отпустили. И пусть перед тем как сесть на поезд, мужчина сказал, что он больше никогда не вернется в то место — в это верилось с трудом. А еще тогда он сказал, что Илья может называть их «Мама и Папа». Странное чувство. Он такого еще никогда не испытывал. Их лица кажутся ему знакомыми, но вспомнить никак не мог. Он пока не называл их так, да вообще пока открыть рот не решался и очень надеялся, что они не подумают, что он не умеет разговаривать и не вернут его обратно.

По сравнению с бывшим мужем, женщина выглядела менее дружелюбно. Она была какой-то дерганной, все время хмурилась и вертела головой. А когда мельком взглянула на него, то скривилась. От чего мальчик почувствовал неприятное волнение.

Люди странно на него озирались и хотелось куда-нибудь спрятаться. На нем все еще была одежда из больницы, а на ногах кроссовки Сергея, в которых Илья просто тонул. Они еще не успели купить ему одежду, все произошло так сумбурно.

Да, если бы не друг Сергея, который нашел этот дом, устроил его к себе на работу, еще и обещал встретить их с поезда и довезти до дома, то они бы и сына забрать не смогли. Обязательным условием было «Проживание в крае». Света с Сергеем друг от друга-то жили за двести пятьдесят шесть километров, а от Ильи вообще находились за восьмьсот. Но это уже в прошлом.

Сергей и сам видит беспокойство сына. Вообще сидеть между ним и Светой было словно на пороховой бочке, и непонятно, с какой стороны рванет. Он поднялся, потянулся к верхней полке и аккуратно снял свой рюкзак. Поставил его на колени, расстегнул молнию и достал оттуда небольшой металлический термос. Еще теплый, с легким ароматом чая.

Открыл крышку, и в вагоне сразу распространился сладкий запах черного чая с сахаром и долькой лимона. Сергей осторожно налил немного в крышку и протянул Илье.

— На, попей, — сказал он тихо, с той же грустной улыбкой.

Илья, который до этого сидел скованно, вдруг оживился. Он схватился за крышку обеими руками — жадно, будто боялся, что сейчас отнимут. Металл был горячим, обжег пальцы, и мальчик дернулся. Чай плеснулся через край, разливаясь на колени.

Света вздрогнула, как от удара. Глаза ее расширились, лицо побледнело.

— Ой, господи! — выдохнула она, рывком открывая сумку и выхватывая пачку влажных салфеток. — Не сильно обжегся? Дай посмотрю!

Она наклонилась и начала торопливо, резко, почти грубо вытирать Илье колени и руки. Салфетки комкались, оставляя влажные следы. Голос ее дрожал от растерянности и внезапной злости.

— Ну как так можно-то! — причитала она, не глядя мальчику в глаза. — Ожог останется теперь! Руки-то есть! Зачем так хватать, осторожнее надо!

Илья замер. Когда ее голос стал выше, в животе у него вдруг появилось странное чувство, будто кто-то изнутри стучит, как по барабану: бум, бум, бум. Громко, ритмично, заглушая все остальное. Показалось, что он просто исчезает.

Сергей положил руку на плечо Светы.

— Свет, хватит, — сказал он спокойно, но с твердостью, от которой она сразу замолчала. — Все нормально. Мелочь.

Света отстранилась, скомкала салфетку в кулаке и отвернулась, тяжело дыша. Сергей снова полез в рюкзак, достал шоколадку и протянул Илье.

— Держи, — сказал он тихо, без давления. — Все в порядке. Мы скоро будем дома.

Илья взял ее осторожно, двумя пальцами, и долго рассматривал: поворачивал в руках, трогал обертку, нюхал через фольгу. Что это? Зачем? Он нахмурился, пытаясь понять назначение этой блестящей вещи.

— Попробуй, это вкусно, — добавил Сергей мягко, видя его замешательство.

От этих простых и тихих слов стук барабана в животе вдруг затих. Илья взял шоколадку дрожащими пальцами, осторожно отломил кусочек, положил в рот и впервые за всю поездку слегка расслабил плечи.

Сергей снова сел рядом, не прикасаясь, но близко. Илья почувствовал это не навязчивое, но надежное тепло сбоку. За окном мелькали последние столбы, и где-то впереди уже ждал Руденевск.

На выходе из поезда Илья уже ближе держался к отцу, хотя все еще молчал. Он осторожно ступал по высокой подножке вагона, крепко вцепившись в руку Сергея. Кроссовки отца по-прежнему болтались на его ногах, и каждый шаг сопровождался тихим шлепаньем. Сергей не торопил, просто шел рядом, чуть замедляя шаг, чтобы мальчик успевал.

Станция выглядела гораздо хуже, чем в Колотках. Если та была хоть и старой, но чистой и ухоженной, то здесь все казалось заброшенным и уставшим.

Перрон был покрыт трещинами, в которых пробивалась жесткая трава и даже мелкие кусты. Под ногами хрустели осколки стекла от разбитых бутылок и обрывки старых билетов, которые ветер гонял вдоль платформы. Фонари на высоких столбах стояли криво, некоторые лампы разбиты, другие мигали тусклым желтым светом, хотя день еще не кончился.

Само здание вокзала выглядело так, будто его не красили с советских времен. Окна были мутными, в некоторых стекла треснули и были заклеены скотчем. Над входом висела покосившаяся вывеска «БИЛЕЕВСКАЯ».

На перроне было немного народу. В основном местные: мужчины в рабочих куртках, женщины с сумками из супермаркета, пара подростков с рюкзаками. Никто не спешил, никто не суетился.

Сергей достал телефон и, нажав пару кнопок, кому-то позвонил:

— Да, — Илья впервые увидел такую широкую улыбку на лице отца, — Да, мы уже приехали. Где? Да, вроде понял, сейчас подойдем.

Его друг Юрка подждал у выхода из вокзала. Завидев Ярцева, он тут же бросился к нему с объятьями.

— Серега, ну наконец-то! Не думал, что когда-то увижу тебя в наших краях.

Сергей даже немного стушевался. Конечно, Юрка был для него далеко не чужим человеком, но такого радушного приема не ожидал. Они виделись-то последний раз когда? Лет пятнадцать назад. У них тогда и Ильи еще не было. Ну как, только в планах.

Ослепленный восторгом Юрка, следом обнял и Свету, которая стояла безэмоционально и не знала, как на это отреагировать. Легонько похлопала его по спине и отстранилась. А затем взгляд мужчины упал на мальчишку. Друг как-то волнительно оглядел его с ног до головы.

Сергею было стыдно. Его сын больше похож на оборванца какого-то, а по шрамам, синякам и укусам, казалось, что дома его избивают. Юрка натужно улыбнулся, присаживаясь на колени и протянул руку мальчику:

— Привет, сорванец! Я — дядя Юра, а тебя как зовут?

Илья осторожно оглядел мужчину, а затем повернул голову на отца. Сергей кивнул ему мягко, чуть заметно, и положил тяжелую, успокаивающую ладонь на плечо сына.

Илья перевел взгляд обратно на Юрку. Тот все еще сидел на корточках, рука протянута, улыбка широкая, но уже не такая громкая. Он понял, что мальчишка напуган, и теперь старался не давить.

Илья пожал протянутую руку, но ничего не сказал. Просто кивнул, опустив глаза в землю.

— Это Илюша, — ответила за него Света, укладывая руки на плечо сына, от чего тот невольно поежился, но отстраняться не стал. — Ты извини, его собака покусала, только из больницы вот забрали. Нам до дома бы поскорее доехать.

— Ого, серьезно, это собака тебя так?

Но Илья до сих пор молчал. Юрка не обиделся. Медленно опустил руку, но улыбка осталась.

— Илюша, значит. Будем знакомы, Илья.

Он поднялся, отряхнул колени и повернулся к Сергею.

— А вы что, снова вместе?

Сергей не знал, как ответить на этот вопрос. С момента развода они редко виделись, а встречи их спокойными назвать было нельзя, но теперь... Теперь они снова будут жить в одном доме, воспитывать сына, делить быт. Их жизнь снова станет общей, но Ярцев не уверен, что это можно было бы назвать «вместе».

— Да, — заметив, что муж замешкался с ответом, согласилась женщина. И затараторила: — решили снова попробовать. Столько лет вместе, это так быстро не проходит.

Света старалась выглядеть расслабленной и дружелюбной, но актриса из нее была абсолютно никакая.

— Ну что ж, рад за вас. Поехали? Машина вон там, за углом. Старенькая, но до дома довезет без проблем.

Юрка пошел вперед, показывая дорогу. Сергей взял Илью за руку, не крепко, чтобы тот мог выдернуть, если захочет, и они двинулись следом. Мальчик шел мелкими шажками, кроссовки отца по-прежнему шлепали по асфальту, но теперь он не отставал.

Неподалеку от вокзала стояла выдавшая виды Нива. Темно-зеленая, с вмятинами на бортах и слоем дорожной пыли. Юрка открыл заднюю дверь, галантно пропуская Свету, потом помог Сергею уложить вещи в багажник.

— Садитесь, — сказал он, — дорога недолгая. Минут десять, и дома.

Двигатель заурчал, Нива выехала с парковки, подпрыгивая на ямах.

Железнодорожная станция находилась на территории поселка, но домов рядом совсем не было. Только небольшой ларек с выпечкой у самого входа. Машина какое-то время ехала по раздолбанному асфальту, мимо деревьев. Постепенно пейзаж менялся. За окном виднелась речка, на горизонте показались первые одноэтажные дома.

По той же дороге возвращался домой Максим. Склад, конечно, находился вообще в другой стороне, однако, ближайшая от дома заправка стояла именно тут. Не хотелось застрять где-то на дороге только потому, что опять закончился бензин. А сейчас и время есть на это и деньги у него теперь тоже есть. На бензин по крайней мере. Да и домой он особо не торопился.

Не хотелось разочаровывать Олесю. Обещал же ей, что все будет хорошо, а что по итогу вышло? Похоже не справился. Врать или умалчивать о произошедшем он не собирался. Хоть и стыдно было, но ничего не поделаешь. Придется признаться в собственной безответственности.

Луч яркого солнца отразился о лобовое стекло и Максим прищурился, опуская солнцезащитную заслонку. Почувствовал короткую, но заметную вибрацию кузова, легкую тряску руля. Максим подумал: «Фура рядом прошла». Такое бывало. Тяжелый грузовик на встречной, и машину всегда встряхивало.

Инстинктивно оглянувшись, он не заметил ничего вокруг. Ни фуры, ни грузовика. «Показалось», — подумал он и уже хотел отвернуться обратно.

Его ожидал поворот до первых домов поселка. Привычный поворот на лево. Вперед дороги не было. Только отбойник, от которого было чуть больше метра до Кирчи.

Жители не один раз просили перенести дорогу чуть ближе к полю. В конце концов красивые виды на дороге не уменьшали опасности такого резкого поворота. Глава администрации края пообещала исправить ситуацию, но с тех пор прошла уже пара лет и до сих пор никто ничего не сделал.

Отвлёкся всего на пару секунд. Но этой пары секунд хватило.

Максим успел только нажать на тормоз — педаль ушла в пол, колеса заблокировались, машину занесло. Справа, также не успев притормозить в девятку влетел старенький, потрепанный Москвич.

Резкий удар пришелся в боковую сторону багажника. Глухой, тяжелый, с оглушительным скрежетом металла о металл. Алферов ничего не почувствовал. Даже понять ничего не успел. Ни единой мысли, ни страха просто удар.

Максим вцепился в руль мертвой хваткой, пытаясь выровнять колеса, но инерция и удар уже сделали свое дело.

Машину резко развернула вокруг оси на затормозивших шинах. Она снесла ограждение и полетела вниз.

Обрыв насчитывал пару метров, но Максиму эти секунды полета казались слишком долгими. Он думал, что вот-вот уже окажется в воде, но когда открыл глаза, то понял, что все еще летит вниз.

Холодная речная вода ударила в двери с громким хлопком. Девятка нырнула носом. В салоне сразу стало темно. Вода заливала через щели, поднимаясь по ногам.

С дороги падение выглядело как страшный кувырок в пропасть. Едва не став третьим участником аварии, едущая следом за Москвичом темно-зеленая Нива с визгом затормозила. Двери распахнулись. Света, Юра и Сергей выскочили почти одновременно.

Юрка первым кинулся к разбитому Москвичу. Машина стояла поперек дороги, капот смят гармошкой, пар из радиатора. За рулем сидел молодой парень, лет двадцати пяти, в сетчатой футболке, с окровавленной рукой на лбу.

— Витька! — крикнул Юрка, узнавая. — Вить, ты живой? Как ты, нормально?

Парень кивнул медленно, морщась от боли, и пробормотал:

— Голова... крутится. ГИБДД надо вызвать...

Витька полез в карман за телефоном, но руки дрожали.

А Сергей даже не остановился у Москвича. Он подбежал к разломанному отбойнику и замер над обрывом. В реке торчал капот девятки: машина сидела на дне, крыша едва виднелась, течение качало ее из стороны в сторону.

Он заметался вдоль откоса, ища, как спуститься: берег был крутой, осыпался под ногами, кусты цеплялись за одежду.

— Юр, сюда! Надо вниз! Веревку, что ли...

Илья, до этого сидевший в машине тихо открыл дверь и вышел. Мальчик подошел к отцу и посмотрел вниз, а затем на отца.

В глазах читалось любопытство. Он слегка наклонил голову набок и наблюдал как отец мечется из стороны в сторону, как руки его хватают воздух и кусты, как лицо искажается, а голос ломается на крике. Все это было чужим, незнакомым языком — языком эмоций, кото-

рых Илья почти не знал. В его прежнем мире никто не бегал так, не кричал. Там люди были спокойны, жестоки. Он никогда не видел паники.

Мальчишка переводил взгляд с отца на реку и обратно — медленно, внимательно, словно пытался расшифровать код. «Почему он дергается? Почему кричит? Что там, внизу, такого важного, чтобы так... ломаться?» Внутри у Ильи было пусто и тихо: ни страха, ни жалости. Только острое, почти научное желание понять. Он фиксировал детали: пот на лбу отца, дрожь в руках, хриплый голос.

Сергей заметил его только когда повернулся, запыхавшийся.

— Илья, отойди! — крикнул он, махнув рукой.

Юрка, все еще стоявший у Москвича, поднял голову и крикнул через дорогу:

— Серег, ну мы сейчас все равно ничего сделать не сможем. Нужно вызвать милицию, скорую — пусть приедут!

Света, подойдя сзади, мягко взяла Сергея за локоть.

— Сереж, успокойся, пожалуйста, — сказала она тихо, но твердо. — Мы здесь не спустимся.

Только в этот момент, услышав ее слова, до Ильи наконец дошло. Он посмотрел на отца и понял: там, в воде, кто-то нуждается в помощи. Наверное, кто-то важный.

Рядом с визгом тормозов остановилось еще пару машин. Люди уже открывали двери, выходя на обочину. Но не успели они подойти, как Илья разбежался и прыгнул вниз. Тело его описало дугу, руки вперед, и он вошел в воду почти без брызг, чисто, как ныряльщик.

Илья подплыл к водительской двери. Ухватился за ручку, рванул, дверь не поддавалась. Заклинена ударом и давлением воды. Он рванул сильнее. Металл скрипнул, но не уступил. Время уходило.

Тогда он вдохнул полной грудью и нырнул. Сжал кулак и ударил по боковому стеклу. Раз. Стекло треснуло. Второй удар — и оно осыпалось мелкими осколками, уносимыми течением.

Илья просунул руку внутрь, нащупал ремень безопасности, отстегнул его одним движением. Потом схватил мужчину за ворот, пальцы впились в ткань. Тот был тяжелый, без сознания, голова запрокинута, но Илья не напрягся: просто потянул на себя, вытолкнул тело через окно и повел вверх.

Они вынырнули у кормы машины. Илья одной рукой держал Максима за ворот, другой ухватился за край крыши. Машина качалась, но держалась на дне. Он подтянулся, перекинул мужчину через плечо так легко, будто веса не чувствовал. А затем забрался сам. Крыша была скользкой, но он встал уверенно, присел и уложил Максима на металл, головой выше воды.

Можно было бы, конечно, поплыть до берега, но там был слишком резкий подъем. Он бы и в одиночку не смог подняться, не то что с мужчиной наперевес.

Наверху уже кричали: мама, папа, дядя Юра и какие-то незнакомые голоса. Кто-то бросал веревку, кто-то звонил в скорую.

Илья сел рядом с мужчиной, все еще держа его, чтобы тот не соскользнул. Вода плескалась у ног. Легкий ветер пускал мурашки по мокрому телу, но солнце грело спину. Он не улыбался, не плакал. Просто сидел и ждал, пока кто-нибудь доберется до них.

В отличие от мужа, день Олеси проходил спокойно. Максима до ночи она не ждала и понемногу разбиралась с домашними обязанностями.

Летний вечер был теплым, с легким ветерком, приносившим запах свежескошенной травы и далекого костра, где-то в соседнем дворе. Солнце постепенно клонилось к горизонту, заливая деревню мягким золотистым светом, когда к дому подъехал новенькая Самгу серебристого цвета. Из машины вышел молодой элегантный мужчина лет тридцати.

Его черные волосы были аккуратно зачесаны назад, открывая высокий чистый лоб и подчеркивая выразительные черты лица. На лице аккуратная легкая щетина, двух или трехдневная: не густая борода.

Его белая рубашка с закатанными до локтей рукавами и черные брюки контрастировали с выходящей его встречать в махровом халате Олесею.

— Лешка! — радостно вскрикнула она, обнимая мужчину. — Я так рада тебя видеть. Леша обнял ее в ответ, нежно целуя в щеку.

— Прекрасно выглядишь.

— Да иди ты! — улыбалась она, осторожно шлепнув его ладонью в грудь. — Хорошо, что ты вырвался. Стас очень скучал по тебе.

— Да, ты ведь знаешь, по работе завал.

— О да, ты наш крутой бизнесмен, — улыбалась Олеся, заходя обратно в калитку.

— О, да! — как всегда самодовольно согласился Леша. — Крутой бизнесмен...

Олеся подошла к потертому железному тазику, стоящему на траве под бельевой веревкой, подняла его вверх и принялась снимать постельное белье.

— А где пацаны? — оглядевшись вокруг, спросил Леша.

— За домом, огород поливают. Я так ждала эти полчаса покоя.

— Они что, даже гулять не ходили?

— Ага, — усмехнулась женщина, — Ленка собаку к ветеринару повела, бегать сегодня не за кем. Весь день у телевизора проторчали. Я чуть с ума не сошла.

Звук проезжавшей вдоль проселочной дороги машины привлек их внимание. Темно-зеленая Нива остановилась у соседнего дома. Ее двери открывались медленно, будто пассажиры не решались выйти наружу.

— Новые соседи? — подозрительно спросил Леша, хмуря бровь.

— Наверное, — задумчиво ответила Олеся, внимательно разглядывая людей.

Первым появились двое мужчин — высокие, с широкими плечами, но сгорбленные. Лица выглядели усталыми, а одежда, хоть и чистая, была слегка помята. Один из них помахал рукой и направился в дом.

За ними женщина под руку с мальчиком. Примерно одного возраста с Димой. На нем был свитер, явно не по размеру: рукава свисали ниже кистей, а подол доходил до колен. Ткань была изношенной, что выглядело странно на фоне опрятной одежды взрослых.

Но больше всего ее заинтересовало поведение ребенка. Он двигался медленно, сгорбившись, не поднимая головы, словно стараясь стать незаметнее. Его взгляд был прикован к земле, и он не проявлял никакого интереса к новому месту. Плелся позади родителей, шаркая ногами по гравийной дорожке.

Новые семьи редко приезжали в Руденовск, и обычно это были люди, ищущие нового начала или имеющие связь с этими местами. Но эти... они казались чужими.

— Дядь Леш! — послышался знакомый мальчишеский голос.

Из-за угла выбежал Стас. Направляясь прямо на Лешу, он с разбега запрыгнул на мужчину, чуть не свалив с ног.

Белая рубашка стала влажной от мокрой одежды, а грязные шлепки оставили след на идеально выглаженных черных брюках.

— Это что, прыжок или падение пьяного деда? — сквозь смех, выдавил появившийся следом Димка.

— Заткнись клоун! — фыркнул Стас, слезая с рук дяди.

— Так, ну-ка перестаньте! — резко перебила Олеся, закатывая глаза. — Быстро ноги мыть и переодеваться!

Стас все еще стоял, обнимая за ноги дядю, пока тот не похлопал его по плечу и не сказал идти. Стас недовольно закатил глаза, фыркнул и направился вместе с Димой в баню.

Оглянув отряхивающего штанину Лешу, Олеся засмеялась:

— Ну теперь ты хоть немного вписываешься в наш балаган.

— Смешно тебе? — Мужчина забрал тазик из ее рук и кивнул в сторону крыльца. — Иди чайник ставь, я сам сниму, не хватало тебе еще тяжести таскать.

— Да он не тяжелый!

— Иди давай! Тебе надо хоть немного отдохнуть!

На уставшем лице Олеси появилась легкая кокетливая улыбка. Щеки слегка порозовели от внезапного прилива тепла внутри. А затем она направилась к входной двери. На миг задержавшись на крыльце, оглядывая новых соседей, она повернулась и вошла внутрь.

Замерший Илья, глядел на дом с широко раскрытыми глазами. Для него это было странное место: не страшное, как прежние стены, но пустое, забытое.

Юрка хлопнул дверью Нивы и подошел к калитке, отряхивая руки.

— Да, старенький домик, — сказал он, улыбаясь Сергею через плечо. — Давно пустует. Но если прибрать, подремонтировать, то хороший будет. Крепкий, бревна толстые, не то что нынешние картонные. И места хватит на всех.

Сергей кивнул, оглядывая фасад: дом был двухэтажный, большой. Пусть слегка поломанный, но удивительно, что в нем никто не жил. По сравнению с его старой квартиркой, это были прям хоромы. Странно, что они смогли снять его за такие гроши.

Они подошли к крыльцу. Доски скрипели и прогибались под ногами. Юрка открыл дверь старым ключом. Изнутри пахло пылью, старым деревом и легкой сыростью.

Прямо у входа в гостиную, стояла старая мебель: потрепанный диван с выцветшей обивкой, деревянный стол с кривыми ножками и шкаф. А в углу, у стены, лежал старый пыльный матрас.

Наверху, как рассказал Юрка, была детская комната. Мебели там почти не было, только встроенный шкаф, кровать и пара полок.

Илья вошел последним. Он остановился у порога, глядя на матрас. Осторожно коснулся его кончиками пальцев. Матрас слегка прогнулся, пыль поднялась облачком. Мальчик шарахнулся назад, прижался к стене и посмотрел на взрослых.

Сергей заметил его реакцию, подошел ближе и тихо сказал:

— Не бойся. Это наш дом теперь. Будем приводить в порядок.

Илья кивнул медленно, но все еще держался у двери. Будто бы проверяя, стоит ли ему заходить.

Тем временем Леша уже был на кухне Алферовых. Но занес с собой не только таз с бельем, а также контейнер пирожных-трубочек и пару выпусков комикса для мальчишек.

Он взял два разных выпуска, все равно они все хранятся у Алферовых, да и читать мальчишки будут вместе. Леша всегда привозил какие-то подарки для детей.

— Могу дать футболку, — оглянув друга с ног до головы, предложила Олеся.

— Вот уж нет, в футболках твоего чудо-муженька ходить не собираюсь, — небрежно бросил он и, стянув Олесину кружку с кофе, добавил: — Ничего, высохнет.

Олеся закатила глаза, а затем усмехнулась, глядя на то, как Леша потягивает ее кофе, хотя рядом стояла кружка, предназначенная для него.

— Это у вас семейное?

Леша приземлился на стул напротив Олеси и игриво ответил:

— У тебя всегда вкуснее, что поделать?

— Да они одинаковые! — рассмеялась она, притягивая к себе кружку гостя.

— Нет, у тебя вкуснее.

Мальчишки радостно забежали в дом. Стас тут же оказался возле Лешы, прыгая к тому на колени.

— Дядь Леш, а ты знаешь, мы вчера такую собаку огромную видели, — воодушевленно рассказывал он, — она такая большая, черная. Я тоже такую хочу! Давай заведем собаку? Я буду с ней гулять, лабрадора какого-нибудь или овчарку. Я видел овчарку такую здоровую...

— Стас, — резко оборвал его Леша. Он знал, что если племянника не перебить, то он может проболтать хоть до утра, — ты же знаешь, с моей работой мы не можем.

— Ага, — огорченно ответил мальчик, — а ты завтра надолго уедешь?

— Ну где-то на неделю... Но потом на пару месяцев дома останусь.

— Правда? — Племянник воодушевленно посмотрел на него, как маленький щенок.

— Правда, — Леша сам не смог сдержать улыбку на лице, — а еще, знаешь что? — Он потянулся рукой к столу и достал оттуда два запечатанных выпуска комикса.

— Вау!

На лице Стаса застыл нескрываемый восторг. Димка подбежал к столу и выхватил из рук оба выпуска. Племянник прыгнул с коленок и вместе с Димкой побежал до дивана. Плюхнувшись на него, сразу принялись читать.

— Вы чай будете? — спросила мать, но дети уже не отвечали.

— Бесполезно, — усмехнулся Леша, переводя взгляд с мальчишек на Олесю. — Это теперь на час-полтора.

Она поднялась со стула и, доставая еще два стакана с верхней тумбы, начала разводить чай. И как бы невзначай спросила:

— А с работой как?

— Да как сказать... — лицо Леши помрачнело, он громко вздохнул, — жопа полная.

Олеся редко видела его без дежурной ухмылочки. Взяла тарелку и, переложив несколько пирожных, вместе с двумя стаканами чая, которые держала за ручки, чтобы унести за один раз, направилась к детям.

— А что случилось?

— Да у него там постоянно какая-то жопа, — вдруг подал голос Стас.

За что тут же получил по голове от Олеси.

— Не выражайся!

— Дядь Леш, — Димка тоже присоединился к разговору, — я до сих пор не понимаю, кем ты работаешь.

— Ну, у меня складской комплекс. Мы занимаемся логистикой.

— Ничего непонятно, — добавил Димка.

Олеся погладила Стаса по голове в место, куда недавно шлепнула мальчишку.

— Это транспортная компания.

— Все равно ничего непонятно, — Стас одарил женщину теплой улыбкой, от которой та засеяла.

— Почему? Все же понятно! — Сын резко повернул голову на друга. — Никогда не работай в транспортной компании.

— Я вообще не собираюсь работать. Планирую до конца жизни сидеть у тебя на шее, — заявил Стас с ухмылкой, в попытке дотянуться до трубочки.

— Да что ж ты, зараза, так далеко! — пробормотал он.

Димка расхохотался, лениво развалившись на диване:

— Ты же знаешь, где они лежат, лентяй!

Наконец, Стас дотянулся до стола и уже хотел засунуть десерт в рот, но не успел его открыть, как Димка молниеносно выхватил его и сам откусил.

— Эй, это мое! — возмутился Стас.

— Ты сказал, что будешь жить за мой счет, так что все мое — твое, — поддразнил Дима, его карие глаза искрились весельем.

Стас недовольно цокнул и, решив не сдаваться, потянулся к тарелке, стоявшей на столе. Он почти схватил одну трубочку, но Дима, заметив это, шлепнул его по руке — не сильно, но достаточно, чтобы Стас отдернул ладонь.

— Это мое! — заявил Дима, притягивая тарелку ближе к себе. — Ты и без того толстый.

— Да я худощавый, как скелет! — возмутился Стас, демонстративно похлопав себя по плоскому животу.

Дима ухмыльнулся и, не удержавшись, завалился на диван поверх Стаса, вальяжно закинув руку ему на голову, как на спинку кресла.

— Вот так, доверяешь человеку, а он отказывается тебя кормить, — пробурчал Стас, пытаясь вывернуться из-под друга, но его голос дрожал от смеха.

Олеся улыбаясь вернулась за стол и повторила свой вопрос:

— Так что у тебя там?

— Ну, — помешав ложкой, не до конца растворившийся сахар в стакане, он почесывал бровь, — я хочу податься на тендер. Психушку в Колотках через пару дней закрывают.

— Давно пора было. Не уверена, что там хоть кто-то лечился.

— Это точно. Но здание крепкое. Большие корпуса под склады, подвалы под хранение, территория под стоянку грузовиков. Подойдет под склад, а через полгодика и продать будет можно подороже. С этим кризисом сейчас или расширяться, или закрываться. Мне такими темпами скоро зарплаты нечем будет выплачивать. Евгений Викторович сказал, что у нас все шансы забрать его.

— Кирин, что ли? — с любопытством спросила она, на что Леша только кивнул. — Ну если уж администрация края хочет, чтобы ты выиграл тендер, то не вижу проблем.

— Да я вообще понятия не имею как на этот тендер подаваться. Не делал такого ни разу, знаешь же. С горем пополам заявку заполнил. Заявку на участие в программе... — Алексей задумался, пытаясь подобрать слова. Они вертелись у него на языке, но вспомнить их он не мог.

— Аренды муниципального имущества, — видя замешательство гостя, подсказала Олеся.

— Ого, и давно ты в этом разбираешься?

— Так, посматривала на досуге.

Глаза Леша слегка расширились, губы приоткрылись в тихом, беззвучном «вау». Внутри у него все сжалось от внезапного, острого восхищения. Не просто красивая, а еще и умная. Не то чтобы он и раньше этого не знал.

Она смущенно улыбалась, видя его взгляд. С ямочкой на щеке, так по-настоящему.

— Что ты так смотришь?

— Сколько лет тебя знаю, ты всегда открываешься мне с новой стороны. Хочешь стать крутой бизнес-вумен?

Олеся едва слышно хмыкнула, но улыбка с губ никуда не пропала. Потерла большими пальцами кружку, опустив глаза вниз.

— Ну так, задумывалась. Димка уже подросток, да и деньги нам лишними не будут. А на нормальную работу меня сейчас кто возьмет? Я хотела в супермаркет устроиться, но Максим не пускает. Говорит, что не должна его жена продавцом работать...

— О да, твой герой Максимка.

— Ну не начинай, пожалуйста! — Она протянула руки вдоль стола и подняв голову, закатила глаза. — Ты же знаешь, не люблю, когда ты так говоришь.

Леша показательно выставил руки перед собой ладонями вперед. Не любил он расстраивать Олесю, но до сих пор не понимал, что она нашла в этом Максиме. Он всегда был уверен, что ее ждет большое будущее, а по итогу что? Мешки под глазами, старый халат и куча дел по дому, из которого она почти не выходит.

— Да ладно, ладно, не начинаю, — подперев лицо кулаком, средним и указательным пальцем Леша начал массировать висок, а затем быстро перевел тему. — Так что ты говорила там с тендером надо делать?

— Ну, еще нужно написать бизнес-план, техническое описание и план использования помещения, справки, согласия, финансовые документы, презентация для мэрии. Хотя с

последним у тебя явно проблем не будет, — женщина заметила, как Леша расплылся в улыбке, и рассмеявшись спросила: — Что?

— Да нет, ничего... Просто, лучше б ты у меня помощником...

— Да брось ты, — усмехнулась она. — Ты же знаешь, Максим...

Не успела она договорить, как в кармане мужчины завибрировал телефон. Увлеченные чтением мальчишки, ничего не заметили, продолжая что-то обсуждать и смеяться. Леша недовольно цокнул и ответил на звонок:

— Да, — сказал он коротко, голос сразу стал деловым, чуть напряженным.

Он поднялся со стула и отошел на пару шагов. Слушал молча секунду-другую, потом вздохнул.

— Понял... Да, сейчас выезжаю. Минут через сорок буду. Нет, все нормально, решу на месте.

Он говорил тихо, но в голосе сквозило раздражение — не злость, а именно досада, что момент прервали.

— Ладно, до встречи.

Леша сбросил звонок, сунул телефон обратно в карман и на миг замер. Плечи его слегка опустились. Видно было, что ехать не хочется.

Олеся, все это время наблюдавшая за ним, тихо спросила:

— Тебе надо ехать?

Он повернулся, попытался улыбнуться, но улыбка вышла вымученной.

— Да... Срочно вызвали. Проблема на объекте.

В этот момент Стас, услышавший ее вопрос, резко повернулся. Лицо его изменилось мгновенно: глаза стали большими, губы поджались. Он вскочил со стула, чуть не опрокинув комикс, и кинулся к Леше. Быстро, почти бегом, вцепившись в его руку обеими своими.

— Дядь Леш... — голос Стаса дрогнул, стал тонким, жалобным. — А ты скоро вернешься?

Он смотрел снизу вверх. Было видно, как он старается не заплакать. Губу прикусил, подбородок чуть дрожал. Леша обнял его одной рукой и потрепал по волосам.

— Наверное, сегодня уже не успею. Недельку подожди и все хорошо будет. Я позвоню завтра вечером, как с самолета выйду, договорились?

Стас кивнул, но не отпустил руку, пока Леша не поцеловал его в макушку. Мальчик остался стоять посреди комнаты, грустный, как брошенная собачонка, глядя, как Леша целует Олеся на прощание. Дверь закрылась, и Стас тихо вздохнул.

До ночи в доме Алферовых было спокойно. Дети еще не спали. Мать не особо следила за их расписанием, в конце концов лето на дворе. Да и встанут они скорее всего опять рано, так что пусть развлекаются.

Правда, когда стрелка на часах перевалила за десять вечера, Олеся стала переживать.

Включив свет на крыльце, она вышла из дома. На улице уже совсем стемнело. Комары сразу налетели, жужжа у лица и рук. Олеся махнула рукой, отгоняя их, и надев шлепки, спустилась с крыльца. Впервые за вечер она подкурила сигарету и с наслаждением выпустила дым из легких.

Она подняла голову к небу. Луна висела высоко. Ее свет падал мягко, отражаясь на листьях яблонь и делая двор призрачным: тени от деревьев ложились длинными полосами, вдалеке, за забором, виднелась темная дорога.

Олеся обняла себя руками, чувствуя, как комары кусают шею и запястья. Беспокойство росло. Да, конечно, Максим сказал, что задержится. Может, инвентаризация затянулась. Но на душе все равно было как-то беспокойно.

Издалека показался яркий свет от фар. Женщина в надежде глядела на дорогу, ожидая что муж вот-вот окажется у ограды.

Незнакомая машина остановилась у забора. Женщина подозрительно огляделась вокруг и медленно зашагала к калитке.

За тонированными окнами на заднем сидении был Максим. Хорошо, что один из мужчин, который остановился посмотреть на аварию, предложил подкинуть его до дома. Приезд скорой, ГИБДД, оформление протоколов заняли слишком много времени. Да и пришлось ждать пока машину вытянут с реки.

Он не хотел выходить. Просто сидел в машине и смотрел в одну точку. Было стыдно от собственной никчемности. За этот день он умудрился просрать буквально все: работу, платеж по ипотеке, будущее своей семьи. Он даже машину свою просрал. И как умудрился-то?

Но самым страшным было показаться слабым. Слабым перед женой, которая на него надеялась. Перед мальчишками, которые порой смотрели на него с таким восхищением, что он расплакаться был готов.

Смотрел на недоумевающую жену за окошком и не знал, как рассказать обо всем. Признаться в том, что он натворил за день было страшнее, чем сломаться окончательно.

Поблагодарил водителя, крепко пожал ему руку, взял бутылку лимонада с заднего сидения и молча вылез. Дверь хлопнула, фары мигнули на прощание, и машина уехала, оставив его одного на дорожке.

Олеся, наконец, спокойно вздохнула. Шагнула вперед, когда он вошел в ворота: хромая слегка, кофта порвана на локте, лицо в мелких царапинах от стекла, волосы взъерошены. Она рассматривала внимательно, с ног до головы. Глаза расширились от беспокойства, губы дрогнули.

— Макс... — выдохнула она и тут же кинулась к нему, одной рукой проводя по лицу осторожно, пальцами по щеке, по лбу, проверяя, нет ли серьезных ран. — Что случилось? Господи, ты весь... что с тобой?

Максим отдернулся больше инстинктивно. Потом взял ее руку в свою, сжал пальцы и прижал к груди.

— Все в порядке, — сказал он тихо, голос хриплый, глаза в пол. — Я привез твой лимонад, — издав измученный смешок, он надеялся, что сможет хоть немного разрядить атмосферу. Но Олеся все еще смотрела беспокойно. — Правда все хорошо. Просто... авария.

Опустил голову, не в силах смотреть ей в глаза, и рассказал — коротко, сбивчиво. Слова вываливались тяжело, как камни из мешка: толчок, отвлекся, удар, река. Голос его был глухим, прерывался, будто каждое слово жгло горло.

Олеся слушала молча, не перебивая. Только рука ее в ладони сжималась сильнее. Когда он закончил и замолк, уставившись в землю, она мягко подняла его подбородок пальцами, заставив посмотреть на себя.

— Эй, — сказала она тихо, но твердо. — В этом нет ничего страшного. Машина — железо. Главное, ты живой. А остальное... мы разберемся. Я сама займусь страховкой завтра же. Позвоню, оформлю все.

Она обняла его крепче, прижав к себе, и Максим наконец позволил себе опустить голову ей на плечо. Вдохнул запах ее волос, кожи, дома. И на миг стало легче дышать.

Но потом поднял голову, отстранился чуть и продолжил:

— Это не все новости. Лесь, я... — он замолк на пару секунд, подбирая слова, губы сжались в тонкую линию. — Я облажался.

— Да бог с ней, с этой машиной! — Олеся махнула рукой, пытаясь улыбнуться. — Ничего страшного!

— Нет, не в этом дело. В смысле, не только в этом, — он отпустил ее руку и сделал пару шагов в направлении дома, но тут же развернулся, глядя в темноту двора. — Я, похоже, уволился с работы. Я не знаю, как так получилось... просто психанул, наверное. Зарплаты нет, и я не знаю, смогу ли ее забрать. Мне жаль, что я так поступил.

Слова повисли в воздухе. Олеся на миг замерла, но быстро подошла ближе, положила ладони ему на плечи, погладила — мягко, успокаивающе.

— Да брось, — сказала она, голос теплый, уверенный. — Главное, что ты в порядке. Остальное — такая мелочь.

— Ну как мелочь? — Максим поднял на нее глаза, в голосе уже слышалась горечь. — Я не знаю, чем мы платить за дом будем.

— Не переживай, справимся! — она улыбнулась, пытаясь передать ему свою уверенность. — Давай я попрошу Лешу...

— Нет! — Максим резко вскинул бровь, голос стал жестче, почти криком. Он выставил руки перед собой, словно отгораживаясь. — У кого угодно, только не у Леши! Я отцу позвоню, зайдем пока у них.

— Родители и так нам много помогают, — мягко возразила Олеся, не отводя рук. — Леша займет без проблем, ты же знаешь...

Максим уже не слушал. В голосе его слышался псих — усталый, надломленный, но упрямый:

— Я сказал нет! Я все решу! Я все исправлю, обязательно.

Он отвернулся, сжал кулаки, глядя в темноту за калиткой. Олеся стояла рядом, не отходя, просто положила руку ему на спину.

Из дома вдруг послышался торопливый топот. Дверь распахнулась с грохотом, и на крыльцо вылетел Димка. Он не сказал ни слова: просто бросился к отцу, обнял его крепко за талию, лицом уткнувшись в живот.

Максим обнял сына в ответ. Димка отстранился чуть, поднял голову и испуганно глянул на отца. Мальчик нахмурился, губы дрогнули, но он ничего не сказал. Просто смотрел, пытаясь понять, правда ли все хорошо.

Следом из двери выбежал Стас. Он остановился на крыльце, переводя взгляд с Максима на Олесю и обратно.

— Максим, у тебя все в порядке? — спросил он тихо, голос чуть дрожал от беспокойства. Максим посмотрел на него, потом на Димку, все еще прилипшего к нему, и усмехнулся.

— У меня был чертовски странный день.

Он потрепал Димку по волосам и направился в дом.

Глава 3

Дом Ярцевых стоял на самом отшибе поселка: соседи только с одной стороны, а с другой — густой лес. Главное — никаких лишних глаз.

Дом оказался неожиданно просторным и уютным, несмотря на годы простоя. На втором этаже две светлые спальни, ванную и туалет соединял короткий коридорчик с деревянными перилами, а внизу располагались еще одна небольшая пустая комната, веранда, большая кухня и просторная гостиная. В центре гостиной стоял старый, но ухоженный диван — аккуратно накрытый полиэтиленом, словно его берегли для новых хозяев.

Почти вся мебель осталась на месте: добротная, местами потертая, но крепкая, надежная. Оставалось лишь привести все в порядок: протереть пыль, проветрить комнаты, впустить жизнь — и дом снова задышит теплом.

Юрка, показывая дом, рассказал:

— Владельцы сами его строили, своими руками. Мечтали о большой семье, но что-то у них не срослось. Зато прожили здесь до последних дней — счастливо, вдвоем. Приберемся немного, и ночевать уже сегодня можно будет. Нравится?

Сергей, слушая, почувствовал в груди теплую надежду. Может, и у них получится?

— Да, — хмыкнув, он легонько улыбнулся и, не отводя взгляда от окон, сказал: — Да, это идеально.

Мужчина перевел взгляд на сына, который до сих пор стоял у порога. Подошел к нему, похлопал по плечу и заметил, как мальчик вздрогнул. Страшно даже представить, что с ним там происходило.

— Проходи, — Сергей старался выглядеть как можно более дружелюбно, но беспокойство не удавалось скрыть за маской ложного спокойствия. — Ты теперь будешь жить здесь, с нами. Хочешь посмотреть свою комнату?

Илья ничего не ответил. Просто смотрел на него, будто не понимая, чего от него хотят. Глаза темные, широко раскрытые, будто смотрели сквозь Сергея, а не на него.

Мужчина присел на одно колено и протянул мальчишке руку ладонью вверх, не хватая, просто предлагая. И терпеливо ждал, когда тот протянет свою в ответ.

Илья помедлил секунду, две... и вложил свою маленькую холодную ладошку в отцовскую. Не сжал пальцы, а просто положил.

Они пошли наверх по скрипучей деревянной лестнице. Сергей шел медленно, подстраиваясь под короткие шаги сына. На втором этаже он открыл дверь в одну из спален — светлую, с окном на лес.

Илья вошел первым, отпустил руку отца и замер посреди комнаты. Прошло несколько минут, прежде чем он начал ходить — бесшумно, почти на цыпочках. Подошел к старому деревянному шкафу, провел пальцами по пыльной дверце. Понюхал дерево, вдохнул пыль, вздрогнул носом и тихо чихнул. Потрогал ручку, медленно открыл и осторожно заглянул внутрь.

Дальше — к кровати: матрас был голый, с полосатой тканью. Илья нажал на него ладонью, почувствовал пружины, потом наклонился и понюхал ткань. Подошел к окну, провел рукой по подоконнику, собрал пыль, растер между пальцами. Ни улыбки, ни удивления на лице — только тихое, методичное изучение.

Сергей все это время старался стоять неподвижно, чтобы не спугнуть эту заинтересованность. Он смотрел на сына и чувствовал, как в груди мешается боль и надежда: мальчик не говорил, не радовался, но он уже трогал, нюхал, исследовал. Значит, начинал верить, что это место — дом.

День был непростым, так что убраться решили сначала только на втором этаже. Юрка тоже остался помочь. Правда, он периодически с опаской поглядывал на Илью. Пусть это

и был сын очень хорошего человека, но от его отстраненного взгляда у мужчины бежали мурашки по коже.

Илья тоже помогал, хотя его особо и не просили. Он просто повторял за взрослыми: брал тряпку, когда видел, как Сергей протирает пыль, носил пустые ведра вниз, когда Юрка показывал. Движения его были неуклюжими: он ронял вещи, спотыкался о порог.

Сергею казалось, что мальчик просто боится, вот только страх этот был каким-то избирательным. Илья не вздрагивал от громких звуков. Когда в родительской спальне прямо рядом с ним с грохотом рухнул тяжелый шифоньер, мальчик даже не повернул головы, будто ничего не произошло.

Зато он шарahalся от самых обычных вещей: от внезапного прикосновения, от легкого хлопка по плечу — тело его напрягалось, плечи поджимались, глаза расширялись. А если Света хоть немного повышала голос, он сразу сжимался в комочек, опускал голову и замирал, словно ждал удара.

Илья не просил ничего — даже базового. Когда Сергей спросил, не хочет ли тот в туалет, он просто молчал. Отец понял это так: отсутствие какой-либо реакции — это согласие. «Вполне возможно, что он просто не реагировал на вопросы», — подумал Сергей. Но хотелось принимать это молчание и отсутствующий взгляд за хоть какое-то общение.

Мальчик был не глуп. Он все понимал, просто не говорил.

Вдруг Сергей вспомнил, как Илья днем, без малейшего колебания, без единой эмоции на лице, прыгнул в холодную воду с обрыва. Зачем он это сделал? Что двигало им в тот момент? Любой отец гордился бы таким смелым сыном, но Сергей в тот миг не чувствовал ни гордости, ни волнения за Илью. Только животный страх. Страх, что их тайна раскроется, что кто-то заметит в поступке мальчика что-то... нечеловеческое.

Хорошо хоть, что они успели уехать до приезда скорой и ГИБДД. К ним вопросов почти не возникло — они ведь не участвовали в аварии. И радуется, что Юрка промолчал о странностях, лишь назвал Илью смелым парнем.

Сергей смотрел на сына, сидевшего в углу комнаты, и чувствовал, как в груди мешается тревога с благодарностью. Мальчик спас человеку жизнь — спокойно, без лишних слов. Но цена этого спокойствия пугала отца все сильнее.

Уборка заняла гораздо меньше времени, чем они думали. Дольше всего пришлось оттирать плитку в ванной от слоя накопившейся пыли, въевшейся в старую краску. До ночи они успели помыть весь дом, кроме подвала.

Мебель еще предстояло купить, но уже было на чем спать, где помыться и на чем поесть. Вечером, когда уборка закончилась, Юрка собрался уезжать.

— Вольер для собаки завтра привезу, — сказал Юрка Сергею у калитки. — Мужики сегодня не успели приварить дверцу. Но ничего страшного — собаки-то еще нет, подождет денек.

Сергей кивнул, пожал другу руку.

Вот только это было проблемой. Сергей попросил сварить на заводе, где сам собирался работать, крепкую металлическую клетку. Во избежание лишних вопросов он сказал, что они планируют перевезти свою собаку. Но клетка была не для собаки.

Ее наличие было необходимо для содержания сына. Это было важное правило, которое ему сообщили вместе с тем, что Илью нельзя вывозить из края. И то, и другое грозило им смертью — только от разных рук.

— Спасибо за все, Юр. Без тебя бы мы не справились.

Юрка улыбнулся, глянул на дом — окна которого уже светились теплым светом — и пообещал приехать на следующий день.

Время было уже позднее, всем хотелось спать. Устроившийся на диване ребенок зевал, но не засыпал. Все так же наблюдал за матерью, которая заканчивала распаковывать остатки посуды.

Сергей отметил про себя, что Илья старался держаться подальше от Светы. Не то чтобы он избегал женщину открыто, но предпочитал находиться от нее на небольшом расстоянии.

Сергей, сгорбившись от усталости, повел Илью в ванную, подталкивая его за плечо. Илья молчал, его бледное лицо было неподвижным, а глаза смотрели куда-то в пустоту.

Ванная была маленькой, с облупившейся краской на стенах и ржавыми пятнами вокруг крана. Сергей повернул вентиль, и вода с шипением хлынула в старую чугунную ванну, поднимая облачка пара, которые тут же оседали на холодной плитке. Сергей опустил на колени, проверяя температуру воды.

— Иди, Илюша, — сказал он тихо, стараясь, чтобы его голос звучал мягко, несмотря на ком в горле.

Сам же пошел за одеждой. Сыну он не успел ничего купить: думал, что у него еще будет время, но все произошло гораздо быстрее, чем ожидалось. Они со Светой решили, что утром, первым делом, купят ему одежду, а сегодня придется обойтись парой старых футболок.

Вернувшись, мужчина увидел сына на том же месте, где и оставил его. Сергей положил футболку на стул и подошел ближе.

— Давай помогу, — сказал он тихо, без давления.

Илья не ответил, но и не отстранился. Сергей присел на корточки, взял мальчика за руку и мягко потянул к себе. Сначала снял свитер, и когда тот соскользнул с плеч, Сергей замер.

Тело Ильи было покрыто шрамами — старыми и новыми. Тонкие белые линии пересекали спину. Большой затянувшийся ожог тянулся от ключицы до локтя — неровный, с пузырчатой кожей, напоминающий те, что остаются после ошпаривания кипятком. На ребрах желтели старые синяки, уже сходящие на нет. Руки покрывали криво зажившие царапины, а на предплечьях и шее виднелись мелкие, но глубокие укусы, будто от собаки, с рваными краями и темными точками в центре.

Сергей смотрел молча, чувствуя, как в горле встает ком. Он провел пальцами по одному из шрамов, едва касаясь, не надавливая, и Илья не вздрогнул. Просто стоял, позволяя смотреть.

Но в какой-то момент он чуть наклонил голову вперед, носом к отцовскому плечу, и тихо, почти незаметно принюхивался. Вдох — короткий, через нос, потом еще один, глубже.

— Кто это сделал? — выдохнул Сергей, голос чуть дрогнул.

Илья не ответил. Просто посмотрел на него — долго, без эмоций — и опустил глаза.

Сергей сглотнул, снял с него остальную одежду. Шрамы были везде: на ногах, на животе, даже на ладонях. Некоторые свежие, другие — годы назад. Он помог бритоголовому мальчишке забраться в ванну; вода обняла тело, скрывая часть следов. Из крана на его спину бежала вода, и Сергею показалось, что на лице сына впервые проявилась эмоция: облегчение или расслабление? Он не мог точно прочесть эту эмоцию, но она определенно появилась.

Он сел на край ванны, взял мочалку и начал мыть ребенка — медленно, не задавая больше вопросов. Илья сидел неподвижно, подставляя спину, руки, ноги. Когда отец коснулся шрама на затылке, мальчик чуть наклонился вперед, позволяя лучше промыть голову.

— Сerez, — послышался из-за двери голос жены, — можешь подойти на минутку?

Мужчина расслабленно улыбнулся, сказал сыну, что сейчас вернется, и, выходя из ванной, прикрыл за собой дверь.

— Нет! — вдруг вскрикнул ребенок так громко, что мать подбежала к двери.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила женщина, влетев в ванную.

— Ты не хочешь, чтобы я отходил, или просишь не закрывать? — переспросил отец. Как бы жутко ни звучал детский голос, лицо Сергея расплылось в улыбке. Он впервые слышал голос своего мальчика.

— Не закрывать... — слова произносились медленно, голос звучал тихо.

— Хорошо, тогда давай оставим дверь открытой.

Пока отец с матерью спустились вниз, о чем-то активно перешептываясь, мальчишка подставил голову под бегущую струю воды. Кожа покрылась мелкими мурашками, и он потянулся к левой ручке, прибавляя температуру.

И пары минут не прошло, как отец вернулся обратно. Оглянул сына, который, казалось, и не заметил его возвращения. Позади плавала синяя мочалка. Рядом с ванной стоял зеленый тазик с замоченными вещами.

Он сел обратно и потянулся рукой за мочалкой, как вдруг Илья, похоже почувствовавший колебания воды за спиной, резко дернувшись, ударился головой о кран, мотнул головой и уставился на отца.

— Аккуратнее, дружок, это всего лишь я.

Илья продолжил молчать, подставляясь под теплые, немного шершавые мужские руки.

— Так значит, ты разговариваешь? — воодушевленно спросил Сергей. Он надеялся вытянуть из Ильи хоть пару слов, но тот продолжил молчать. — Как тебе дом?

Мужчина повернул голову набок, терпеливо дожидаясь, пока ребенок подаст голос, но тот, словно зеркало, также уложив голову набок, смотрел на его рот.

— Может, хочешь чего-нибудь? Может, хочешь что-то сказать или спросить? — Снова тишина. — Послушай, ну скажи ты мне хоть пару слов, это же не сложно.

Еще некоторое время они просто так и сидели, пока вдруг Илья не начал говорить:

— Па-па, — слова выдавливались тяжело, голос тихий, прерывистый. — А когда... когда я поеду обратно?

Что-то внутри мужчины больно екнуло. Разрушилась какая-то невидимая стена.

— Никогда. Хочешь больше никогда не возвращаться в то место? Хочешь остаться со мной и жить как раньше?

Илья, казалось, призадумался, но отвечать не стал.

— Нам будет здорово вместе, — Сергей сам не знал, кого старался убедить: ребенка или себя. — Снова станем одной семьей. Снова станешь моим сыном.

— Сыном? — вдруг переспросил Илья. — Я не сын.

— Ты меня совсем не помнишь?

— Нет, — кротно и быстро, совсем не задумываясь.

— Тогда почему я все еще вижу в тебе сына?

Непонятно кому адресованный вопрос остался без ответа с обеих сторон. По крайней мере, они хоть немного поговорили. Это уже большой прогресс.

Спать ребенка родители укладывали вдвоем. Приятное чувство, которое они не ощущали уже несколько лет.

— Спокойной ночи, сынок, — сказал мужчина тихо, почти шепотом, как будто боялся, что ночь услышит.

Илья кивнул — едва заметно, глаза его на миг встретились с глазами отца, и в них мелькнуло что-то: не страх, не грусть, а что-то иное, чему Сергей не мог дать названия. Он поднялся, выключил свет, и комната погрузилась во тьму, нарушаемую только слабым отблеском луны, пробивавшимся сквозь щель в занавесках. Сергей оставил дверь приоткрытой.

Сам же Илья лежал неподвижно, слушая, как шаги затихают в коридоре. Он медленно перевернулся на другой бок, натянул одеяло до подбородка, а потом и вовсе спрятался под него. Грудь все еще сжимало, и где-то в глубине сознания он слышал неразборчивый шепот. Он закрыл глаза и, едва слышно, как эхо слов отца, прошептал:

— Спокойной ночи.

Родители не спали. Сергей предложил жене немного отдохнуть, но та, похоже, переживала больше, чем он сам.

Оба сидели на кухне, оба с чашками остывшего чая. Свет погасили, оставив только настольную лампу. Они караулили: то один, то другой вставал, шел вверх, прислушивался у двери Ильи. Убеждались, что дыхание ровное, что нет шагов, нет странных звуков. Ночь тянулась медленно, комары бились в окно, где-то в лесу ухала сова.

Сергей достал из коробки в коридоре старые свитера — свои, из молодости, большие, с выцветшим рисунком. Положил один на стул у комнаты Ильи — на случай, если мальчику холодно. Но сам не мог усидеть: ходил по кухне, сжимая кулаки. Время уже давно перевалило за три часа ночи.

— Это все бред, Свет, — вырвалось у него наконец. Голос низкий, хриплый от недосыпа и злости — не на нее, а на себя, на все это. — Какой-то бред...

Света сидела за столом, опираясь локтями о потрепанную скатерть. Она прищурила глаза, поднесла сигарету к губам и затянулась глубоко. Туша окурков о пепельницу, она выдохнула дым в сторону.

— Я не понимаю тебя, — сказала она тихо, но в голосе уже звенела усталость.

— Ну ты слышишь это?! — голос Сергея сорвался на крик, он шагнул ближе.

Света вздрогнула, быстро оглянулась на дверь наверху.

— Тише, — прошептала она, — разбудишь его...

— Нет, ты скажи, ты слышишь? — он понизил голос, но злость не ушла, только стала глуше, тяжелее.

— Слышу что?

— Вот именно! Ничего. Ничего не происходит, слышишь?!

Он отвернулся, прошелся по кухне: два шага туда, два обратно.

— Я не понимаю, к чему ты это говоришь...

— За все эти годы ты не задумывалась... — он остановился, посмотрел на нее тяжело.

— Ты не задумывалась хотя бы на секунду, что с ним ничего не происходило? Ни тогда, ни сейчас?

— Нет, — начала отвечать женщина, но он перебил:

— Хотя бы на секунду?!

— Я знаю, что видела! Как и ты...

— Правда? А я не знаю! — он снова повысил голос, но сразу осекся, сжав челюсти. — Мы отдали сына тогда, а теперь... что это? Он даже меня не помнит. И ты вообще видела его... Зачем мы в это ввязались?

Света подняла голову, моргнула медленно, веки опускались с усилием, Глаза слегка покраснели. Она затушила сигарету сильнее, чем нужно. Пепел рассыпался по пепельнице.

— Ты сам знаешь, как все было! — прошипела она, но голос сорвался на хрип. — Мы не могли иначе...

— Не могли? — Сергей остановился напротив нее, посмотрел тяжело, почти с отчаянием. — А теперь что? Караулим его, как зверя? Боимся, что он... что-то сделает? Или что... кто-то придет за ним?

Сергей сел, обхватив голову руками, когда из-за потолка послышался звук — сначала тихий, как шорох, потом громче: скрип кровати, глухой стук, будто тело упало на пол. Они со Светой замерли одновременно, переглянулись — в глазах обоих вспыхнул страх.

— Илья... — прошептала Света, вскакивая.

Они бросились вверх — тихо, но быстро, ступая на цыпочках, чтобы не разбудить, если это просто сон. Дверь в комнату сына была приоткрыта. Сергей толкнул ее осторожно, и они вошли.

Илья лежал на полу у кровати. На боку. Свернувшись. Одеяло сбито в комок. Он не проснулся: глаза закрыты, дыхание тяжелое, прерывистое. Но тело его дрожало — мелкой,

неконтролируемой дрожью, как от озноба. Кожа на лице и руках была горячей, красной, покрытой испариной. Он стонал тихо, сквозь зубы, иногда дергаясь, будто мышцы сводило судорогой.

Сергей опустился на колени рядом, коснулся лба сына — лоб пылал. Мальчик весь горел, но при этом трясло, как от холода.

Сергей и Света замерли у кровати, не зная, что делать. Попытки помощи могли вызвать агрессию — они помнили. Просто сидели рядом. Света смачивала полотенце холодной водой, прикладывала ко лбу.

Илья стонал громче, кожа опухала. Челюсть его слегка сдвинулась, зубы скрипнули. Но он не просыпался. Лихорадка держала его в полусне — мучительном, но без сознания. Агрессии не было: он просто страдал тихо, дергаясь иногда, как от боли.

Они караулили до утра. Меняясь, прикладывая холод. Симптомы постепенно спадали, хоть и медленно. Когда наконец дыхание выровнялось, а стоны затихли, они просто сидели — уставшие, но облегченные.

К этому времени двое соседских мальчишек уже возвращались с водных процедур.

Несмотря на утреннюю прохладу и легкий морозящий дождик, Димка все же потащился с утра к речке, прихватив с собой Стаса.

Сейчас погода временно подзатихла. Осталась только влажная трава. Но это было временное затишье. Сквозь деревья понемногу поднимался прохладный ветер. Небо хмурилось серыми тучами.

— Я тебе говорю, не мог он просто исчезнуть! — голос Димки раздавался по всей округе. — Сто пудов в следующей части появится!

Мимо них по дороге пробежала пара соседских котов — рыжий и серый в полоску, шустро пересекая лужи и скрываясь в траве у забора.

— О, здорово, пацаны! — крикнул Димка котам вдогонку, усмехаясь и махнув рукой, будто те могли ответить.

Постепенно снова начал моросить дождь. Сначала редкие капли, холодные на коже, потом чаще, превращая пыльную дорогу в грязь.

Они проходили мимо дома Кудиновых, с синими ставнями и высоким забором из профнастила. Димка замедлил шаг, засмотрелся за забор, стараясь разглядеть девушку в окне или во дворе. Приподнялся на цыпочки, прищурился.

Стас толкнул его локтем, ухмыляясь.

— Да нет ее там, не перед кем понтоваться твоим новообретенным прессом.

— Ой, не начинай, а? — отмахнулся Димка, но все равно задержался еще на секунду, прежде чем продолжить путь.

Стас взглянул на небо. Тучи стужались, капли падали чаще. Он ненадолго призадумался, а затем спросил:

— Эй, а как думаешь, Леша уже прилетел?

— Честно, не знаю, — пожал плечами Димка, ускоряя шаг.

— Хорошо бы он поскорее приехал.

— А ты уже хочешь уехать домой? — Димка повернул голову, ухмыляясь, но в глазах мелькнуло что-то серьезное.

Он не хотел уезжать. Совсем. Здесь, у Алферовых, было здорово: речка, лес, ночные посиделки с Димкой, дневные посиделки и прогулки с Димкой. Да здесь просто был Димка — и этим все сказано. Но не смотря на все, здесь он был просто гостем. А вот с Лешей... Там был дом.

Стас покачал головой, глядя на дорогу впереди.

— Нет, я не хочу уезжать, братишка. Просто с Лешей хочется немного побыть.

— Не брат ты мне после таких слов! — Димка тепло усмехнулся.

Дождь начал усиливаться — капли забарабанили по листьям, по плечам, по волосам. Мальчишки переглянулись и побежали — быстро, подпрыгивая через лужи, смеясь от внезапного ливня.

Впереди они заметили знакомую, достаточно пухлую фигуру одноклассника — Артема Русакова. Он единственный из их одноклассников жил в Руденовске, но ближе к центру, а не на окраине, как Димка. Так что виделись они крайне редко. Они пробежали мимо, и Димка, не сбавляя скорости, крикнул ему на бегу:

— Эй, здорово, пузан!

Тот поднял голову, нахмурился, показал средний палец и крикнул в ответ:

— Пошел ты!

Димка со Стасом звонко рассмеялись и помчались дальше, под дождем, который уже хлестал по лицу. Лето было в разгаре, и даже ливень не мог испортить этот день.

Впервые за долгие годы четверг для Максима не означал рано вставать и в спешке бежать на работу. Нет, сегодня ему никуда не нужно. Но он все равно поднялся с утра пораньше, то ли нервничал, то ли просто по привычке.

Он медленно поднялся, потер руками уставшие глаза, размял сторбленные плечи и, поднявшись с кровати, вышел из комнаты.

Олеся сидела за столом у открытого кухонного окна, закинув правую ногу на левую, и потягивала сигарету, глядя на калитку. Легкий ветерок шевелил занавески, принося запах земли, влажной от дождя. Ее длинные янтарные волосы были распущены, касаясь плеч. Она держала телефон у уха, голос звенел — высокий, почти театральный, с той смесью раздражения и заботы, которая появлялась, когда она говорила с Лешей.

Максим прислонился к дверному косяку, скрестив руки, и прислушался, не объявляя о своем приходе.

— ...Лешка, — это имя резало ухо Максима, — я понимаю, что ты у нас очень крутой бизнесмен и у тебя там договора горят, — говорила Олеся, ее тон был резким, но с ноткой, которую Максим не мог точно расшифровать — то ли восхищение, то ли усталость. Она откинулась на спинку стула, ее босые ноги поджаты под себя, а взгляд устремлен куда-то в потолок. — Но позвонить ему не забудь! Через сколько там у тебя посадка?

Максим стиснул зубы. Леша был старше их всего на три года, но эти годы казались пропастью. У него была своя компания, презентабельный офис в городе, где, наверное, пахло кожей новых кресел и амбициями. А у Максима — восемь тысяч в кармане, ипотека и машина в речке. Олеся никогда не говорила этого вслух, но ее звенящий голос, ее слова о Лешке — все это било по самолюбию.

— Не знаю, может, успеет добежать до того, как вылетишь, — продолжала она, голос смягчился, но в нем все еще чувствовался упрек. — Да какая разница, о чем говорить? Просто поговори с племянником!

Она замолчала, слушая ответ. Пальцы нервно теребили край серой толстовки. Максим мог представить, что говорит Алексей — что-то гладкое, уверенное, с тем легким высокомерием, которое он, кажется, даже не замечал. Этот голос всегда заставлял Максима чувствовать себя меньше, чем он был, и он ненавидел это чувство больше всего.

Олеся вздохнула, ее плечи опустились, как будто она сдалась под тяжестью разговора.

— Да, я помню, что сегодня двадцать девятое... — она запнулась, — как о таком забудешь?

Последние слова эхом отдались в голове Максима. Сегодня двадцать девятое июля. Важный день для Олеси, Стаса и Леши. Каждый год в этот день Олеся чувствовала себя подавленной и была слегка раздраженной.

Сегодня была годовщина смерти Андрея и Маши Туменских — родителей Стаса. Маша была старшей сестрой Леши и близкой подругой Олеси еще со школьных лет. Олеся всегда на

нее равнялась — сколько Максим ее помнил, Маша оставалась для жены эталоном: уверенной, яркой, с той легкостью в общении, которой Олеся самой иногда не хватало. Пусть Маша и была старше на несколько лет, но ближе подруги у нее не было. Их семьи тесно дружили: совместные праздники, поездки, бесконечные разговоры и встречи.

В спальне Максима и Олеси до сих пор висит их свадебная фотография — улыбающиеся молодые Туменские в белом платье и строгом костюме, с теми же глазами, что и у Стаса. С тех пор, как их не стало, у Олеси не появилось по-настоящему близких подруг. Она изредка перекидывалась парой слов с соседками, поддерживала связь с Лешей — и все. Остальной мир словно отодвинулся, оставив в ее жизни только семью да воспоминания о тех, кого уже не вернуть.

— Ты Стасу так и не сказал? — спросила она и, видимо, услышав ответ, согласилась с ним. — Ну и правильно, лучше ему об этом пока не думать, но рассказать рано или поздно все равно придется. Ладно, не забудь позвонить вечером...

Она нажала отбой, положив телефон на стол с легким стуком, повернула голову. Ее взгляд встретился со взглядом Максима, и на миг в ее глазах мелькнуло что-то — не то вина, не то раздражение, которая тут же сменила улыбка — та самая идеальная, уверенная. Когда она знает, что ситуация под контролем, даже если внутри все кипит.

— Ты давно тут? — спросила она, голос ровный, с легкой ноткой вызова, как будто проверяла, сколько он успел слышать.

— Только встал, — соврал Максим, стараясь звучать буднично. — Лесь, ты опять в доме куришь?

— Да, не хотелось под дождь выходить, — Олеся пожала плечами с этакой элегантно небрежностью. Она сложила ступни на стул, раскинув колени в сторону, и принялась тушить сигарету о черную пепельницу с золотистым узором, что привез ей Леша из какой-то очередной командировки. — Я, кстати, в страховую позвонила, — Олеся махнула рукой, стараясь выветрить запах табака из кухни, и резко подскочила, быстро перебирая ногами.

Олеся была сантиметров на пятнадцать ниже мужа, и он смотрел на нее сверху вниз, как всегда забавляясь тем, как быстро она ходит.

— И как? — спросил Максим, направляясь к холодильнику.

Он хотел перехватить что-нибудь на ходу, открыл дверцу, покопался на полках и в итоге достал банан. Повернувшись к Олеся, которая уже стояла у раковины и тщательно мыла пепельницу, он начал ловко очищать фрукт руками.

— Если говорить кратко, то это очень муторно, — ответила она, не отрываясь от дела.

— И сколько времени займет получение выплаты?

— Месяца полтора-два.

— Это очень долго.

— Да, у нас все медленно делают, — вздохнула Олеся, выключая воду и ставя пепельницу на сушилку. Она вытерла руки полотенцем и повернулась к мужу. — Помнишь, как закрыли пожарную часть? Люди уже два года требуют хотя бы одну пожарную машину оставить, а по итогу и в Билеевске одну оставили.

— Погоди, сказали же, что вторую машину в Билеевск пришлют.

— Сказали, — усмехнулась она с легкой горечью. — Ну вот пару лет уже и «высылают». Пока придется покатайся на автобусе.

Легкий ветерок пробежал по кухне, шевеля занавески. Максим обернулся к окну и замер, в нос бил приятный аромат свежести. Что-то этот день ему напоминал, но он никак не мог вспомнить что. Это будто вертелось где-то на подкорке сознания, но у него никак не получалось поймать эту мысль.

Он совсем потерял нить разговора.

— Что? — переспросил он, моргнув и возвращаясь к Олеся.

— Говорю, что можно ездить на автобусе, — мягко повторила она, подходя ближе. — Не так ведь страшно?

— Да нет, все нормально.

— Все в порядке? — Олеся подошла ближе, мягко поцеловала мужа в щеку и направилась к чайнику. Она ловко насыпала заварку в чашку, залила кипятком — кухня тут же наполнилась теплым ароматом черного чая с легкой ноткой бергамота. — Садись за стол, позавтракаем вместе.

Максим кивнул, опустился на стул и обхватил ладонями теплую чашку, которую она поставила перед ним.

— Да, просто, знаешь... Очень знакомая атмосфера, будто такой день уже был. — тихо сказал он, глядя в окно, где дождь все еще сеял мелкой моросью.

— Вроде дежавю? — Олеся приподняла бровь, улыбаясь уголком рта.

Она села напротив, подперев подбородок рукой, и смотрела на него с той нежной любопытностью, которая всегда появлялась, когда он вот так задумывался.

— Нет, — он покачал головой, не отрывая взгляда от мокрых веток за стеклом. — Дежавю — это момент, вспышка. А я говорю про весь день. Он будто повторяется. Целиком.

— И что же это за день? — уточнила она мягко, пододвигая к нему тарелку с нарезанным хлебом и вареньем.

Максим отхлебнул чай, поморщился — слишком горячий — и поставил чашку обратно.

— Не могу понять, — признался он, слегка прищурившись, пытаясь разглядеть что-то вдалеке сквозь пелену дождя. — Может, лучше кофе? А то я усну скоро.

Олеся рассмеялась тихо, тепло.

— Так иди и спи, кто тебе не дает? Тебе бы действительно не помешало выспаться как следует.

— Нет, — он покачал головой, отрываясь наконец от окна. — Поеду в город, с мужиками поговорю. Может, что по работе подвернется.

— Может, лучше останешься дома? — она накрыла его руку своей, легкое прикосновение, но в нем было все: забота, тревога, любовь.

— Спасибо, Лесь. Я дальше сам всем займусь. У тебя и так дел полно. — ответил он, добавляя еще одну руку поверх ее. — Не могу сидеть сложа руки.

Она помолчала секунду, глядя на него внимательно. Потом тихо поднялась со стула, босые ноги почти бесшумно ступили по прохладному линолеуму. Обойдя стол сзади, Олеся подошла к мужу вплотную и обняла его за плечи. Руки ее скользнули вперед, ладони легли ему на грудь, пальцы слегка сжали ткань рубашки.

Теплое дыхание коснулось его шеи, и она спросила тихо, почти шепотом, чтобы слова не разлетелись по пустой кухне, а остались только между ними:

— Тогда хотя бы побудь этот день дома? — прошептала она ему в плечо, и в голосе было столько нежности, что Максим невольно улыбнулся, повернулся и поцеловал ее в висок.

— Хорошо, — тихо ответил он. Встряхнул головой и мысль его переключилась вообще в другую сторону, — Знаешь, что самое странное? — голос мужчины не дрогнул, но лицо его побледнело, а глаза, не моргая, продолжали смотреть в окно. — Мне сказали, что меня вытащил из машины какой-то мальчишка. Как Димка, не старше, — неожиданно повернувшись, Максим грустно ухмыльнулся. — Представляешь? Мальчишка, а уже герой! Вот это меня правда удивляет...

— Да, удивительно. Ты его не видел?

— Нет, вообще бес понятия, кто это был. Вроде не местные.

В этот момент входная дверь с грохотом распахнулась — мальчишки влетели в дом. Они хохотали, перебивая друг друга, не замечая напряженной тишины на кухне.

Пока Стас промчался мимо кухни, даже не взглянув в сторону родителей, Димка на секунду притормозил в дверном проеме. Он заметил их сразу: мама стояла у стола, все еще обнимая папу сзади, а папа смотрел в окно, но как-то слишком неподвижно. Лица у обоих были странные — не злые, не уставшие, а именно напряженные.

Димка остановился, вытирая мокрые волосы рукавом. Капля воды скатилась с кончика носа и упала на пол.

— Эй, — тихо позвал он, переводя взгляд с одного на другого. — Мам, пап... все в порядке?

Максим резко отстранился от жены и немного торопливо ответил:

— Да, все хорошо.

Стас в это время уже выскочил из комнаты и первым делом спросил:

— Дядя Леша звонил?

— Да, только недавно в самолете сел, сказал, через семь часов приземлиться, если вылет задерживать не будут.

Димка не был уверен, но чувствовал, что с родителями что-то не так. Но они сказали, что все хорошо, и второй раз он спрашивать не хотел. Лишь украдкой поглядывал на отца.

За завтраком отец не шутил, не игрался с едой, не пускал солнечных зайчиков, как на прошлой неделе. Возможно, из-за погоды? Папа не любил дождь.

Родители и день проводили порознь. Мама была тише обычного и совсем засела на кухне. Отец же, наоборот, что-то делал во дворе и гараже, не заходя в дом.

Сразу после завтрака они со Стасом разбили банку монтажной пены. Случайно, конечно же. И она разлетелась по всему двору, и сами они все были в пене. Все вокруг было в пене. В любой другой день отец обязательно вышел бы, поругался для вида, а потом помог отмываться, посмеиваясь. Но сейчас — ни слова.

А в соседнем доме, за невысоким деревянным забором, день проходил совсем иначе. Илья проспал до обеда. Света к этому времени уже уехала на собеседование в супермаркет. Сергею тоже надо было поехать на трудоустройство, да и Матюшка — какой-то парень с завода — продает машину, они как раз с Юркой хотели вместе посмотреть. Но это можно было отложить до завтра. Так что решили проехаться по очереди: сначала Сергей присмотрит за сыном, потом Света. Оставлять его одного после ночи совсем не решались.

Илья спустился вниз. Видимо, он исследовал дом, пока отец прилег подремать, потому что сейчас он был в своих казенных штанах и старом отцовском свитере болотного цвета. Свитер и впрямь был слишком старым и сейчас бы на Сергея не налез, но его сын все равно тонул в нем. Илья был очень сообразительным: он аккуратно подвернул рукава, заправил свитер в штаны и выглядел довольно опрятно. Правда, неприятно, что у него даже носков не было, но Света должна была купить необходимые вещи по дороге домой: обувь, верхнюю одежду, носки, нижнее белье и мыльно-рыльные принадлежности, которые подходили бы для ребенка.

Илья выглядел слишком бледным, даже по сравнению с вчерашним днем. И, похоже, чувствовал себя не очень хорошо, но поведение было более расслабленным. Света перед отъездом оставила им завтрак — это было приятно, Сергею давно никто не готовил.

На завтрак была жареная яичница с колбасой и помидорами, и то ли это из-за ночи, то ли ребенок не привык к такой еде, но стоило ему закончить, как он встал из-за стола — и его сразу вывернуло наизнанку.

Он взглянул на пол, затем на отца и бегом рванул вверх, спотыкаясь на лестнице. Отец не стал его догонять, сначала набрал воды в пластиковое ведро и прибрался на кухне. И только после этого медленно поднялся — в конце концов, не выпрыгнет же он в окно? Хотя, возможно, и выпрыгнет, Сергей не был уверен.

Нашел сына он под его же кроватью. Сергей присел на корточки, колени громко хрустнули, и Илья отполз к самой стенке.

— Понял, неверная тактика. — Сергей уперся рукой в свое колено и, подтолкнувшись вверх, присел на кровать. — Илюш, ничего страшного. Я не буду тебя ругать за то, что тебе плохо. — Голос звучал очень мягко и спокойно.

Одна рука Сергея свисала вдоль кровати, и вдруг он почувствовал легкое прикосновение. Сначала он слегка отшатнулся, а затем медленно опустил руку обратно. Илья, словно зверек, обнюхивал эту руку. Ну, люди же дают котам и собакам сначала себя понюхать, а только потом гладят. Вот только это не домашнее животное, это ребенок. Его ребенок, и ему не хотелось, чтобы тот прятался от него под кроватью. Ну что ж, все постепенно. Он подождал, пока Илья закончит обнюхивать руку, и надеялся, что после он вылезет из-под кровати, но Илья остался внизу.

Сергей еще немного посидел с ним, а когда понял, что Илья не вылезет, пока он здесь, сказал:

— Все в порядке, Илюш. Я подожду тебя внизу.

Сергей оставил дверь приоткрытой и спустился вниз по лестнице — с каждым шагом издавая скрипучий звук.

Убедившись, что отца рядом нет, Илья осторожно, перебирая локтями, вылез из-под кровати и принялся медленно оглядываться по сторонам. А затем вышел в коридор, вытягивая шею вперед. Вдруг послышался хлопок входной двери и какие-то незнакомые голоса.

Мальчишка медленно спускался по лестнице вниз, проводя руками по перилам. Пока с улицы раздавались крики:

— Куда ставить? — голос звучал незнакомо.

— Да, да. Нормально, Серег, не за что. — а вот второй голос он узнал. Это был Юрка, и он был здесь вчера.

Илья осторожно подошел к порогу. Помимо открытой деревянной входной двери, покрашенной в несколько слоев голубой краски, которая пусть понемногу облезает, но все еще держится, сейчас была еще одна дверца — пустая, полая, с натянутой зеленой сеткой от комаров. Илья встал за ней, вдохнул свежий влажный воздух полной грудью. Приятный запах, ему понравился.

Взявшись рукой за перекладину на двери, соединяющую между собой сетку, чтобы она не болталась, он смотрел на улицу. Несколько мужчин сейчас что-то бурно обсуждали и пожимали отцу руку.

Во дворе возле них появилась высокая клетка — с отца ростом. Металлическая, с толстыми прутьями и здоровым навесным замком.

Илье стало не по себе от вида «вольера» — так остальные называли клетку. По позвоночнику пробежал холодок. Мальчик посмотрел на отца: плечи его были будто втянуты, губы сжаты в тонкую линию, он мимолетно взглянул на сына и поспешил отвести глаза в сторону.

Тем временем за забором Максим уже обшивал дом сайдингом. Он надеялся, что успеет за этот день закончить хотя бы одну сторону дома. Это, конечно, было не обязательно, но Олеся была не против. Димка пытался попроситься помочь, но, во-первых, он знал, что Димка может и справиться, а вот Стас явно прибьет свой палец к дому или отпилит кому-нибудь руку. Ну чисто случайно. Мальчишка был слишком шибутным и из-за спешки все время что-то ломал. Нет, дети спокойно помогали Максиму по дому, но не все инструменты он готов был им доверить.

А во-вторых, хотелось немного побыть в своих мыслях. А строительный шум и правда помогал отвлечься.

Честно говоря, он вообще не знал, что ему делать. Если бы сегодня направился в город, то вряд ли бы хоть что-то нашел. Скорее всего, просто бродил бы до вечера, а затем не решился бы возвращаться домой. Он был уверен, что Олеся знала об этом, поэтому и просила остаться. За двенадцать совместных лет она выучила его как облупленного.

Да и он знал ее слишком хорошо. Сегодня она была немного отстраненной, Максим не хотел ее расстраивать, но и поддержать у него сегодня не получилось бы. И так не муж, а сплошное разочарование. Так что решил особо не мозолить глаза.

В тот день Стас вдруг загорелся новой идеей: он все время наблюдал, как Димка легко ходит на руках, и наконец не выдержал.

— Как ты это делаешь? — спросил он. И, не дожидаясь ответа, восторженно добавил: — Научи меня, а?

Они тут же выскочили на улицу — трава уже подсохла после дождя, а воздух был свежим и прохладным. Стас первым делом стащил с верстака большие рабочие очки Максима, надел их и важно заявил:

— Я готов!

Он оттянул резинку на затылке и резко отпустил. Резинка больно шлепнула по коже, и Стас ойкнул, сощурившись от неожиданности.

Пока Димка стоял, задрав голову к небу и глубоко вдыхая летний воздух, Стас шмыгнул в гараж за чем-то еще. Димка обернулся:

— Ну и где ты там?

Стас выскочил обратно, уже подогнав резинку потуже, чтобы очки держались надежнее. А Димка рассмеялся, снял с него очки и вернул на место:

— Так ты вообще как дурак выглядишь.

Стас, не обижаясь, плюхнулся на землю и вдруг начал что-то нюхать прямо у травы. Димка заржал:

— Ты чего землю нюхаешь, Стасян?

— Да не землю, цветок! — гордо ответил тот.

Димка подошел ближе и только тогда увидел: Стас уткнулся носом в желтый одуванчик.

— Фу, они же горькие и вообще не пахнут, — скривился о.

Стас понюхал еще раз, согласился и поднялся, отряхивая колени.

— Ладно, показывай давай, — сказал он серьезно.

Димка кивнул: «Смотри внимательно, потом повторяй». Он легко оттолкнулся и встал на руки — тело прямое, ноги вместе, баланс идеальный. Стас замер с открытым ртом, на лице будто «экран загрузки»: как это вообще возможно?

Он попробовал сам — и сразу навернулся в траву. Потом они взялись вместе: Димка объяснял, но коряво, путался в словах, и в итоге Стас плюхнулся ногами прямо на руки Димке. Оба рухнули валетом, зацепившись друг за друга, и покатались по траве от хохота.

Димка показал еще раз: сложил руки лодочкой, резко развел их в стороны, загнул одну ногу и плавно поднялся на руки, поднимая вторую.

— Теперь ты!

Стас повторил начало, но оттолкнулся слишком сильно. Когда начал падать назад, рефлекторно ухватился ногами за бедра Димки. Тот удержал его, и Стас, сделав незапланированное полуколесо, шлепнулся боком в траву.

Во второй попытке Димка подхватил его уже только за одно колено — и Стас рухнул лицом вниз.

— Ты не сальто делаешь! — возмутился Димка. — Полегче! Давай еще раз.

Он снова встал на руки и медленно посчитал:

— Раз, два, три... — оттолкнулся руками от земли, — четыре. И поднимаем ноги.

Стас попробовал снова — на этот раз оттолкнулся слабее и просто вернулся на ноги.

Но через пару попыток получилось: Стас на миг удержался на руках, а Димка подхватил его за ноги и начал водить по траве, как плугом. Руки у Стаса быстро устали, он опустил лицо в траву, а Димка все еще держал одну ногу и хохотал до слез.

Стас оттолкнулся от земли, но снова упал лицом вниз. Правая нога встала на землю, левая болталась в воздухе в мертвой хватке Димки.

Оба ржали так, что аж задыхались:

— Вторую ногу подтяни!

— Да не могу я уже! — выкрикивал Стас сквозь смех.

— Подтяни, ахаха, давай, ногу! — заикался Димка, вытирая слезы.

Стас с трудом поднял вторую ногу — и теперь обе болтались у Димки на плечах, а лицо и плечи Стаса все еще лежали в траве.

При следующей попытке мальчишка расставил ноги шире, уперся руками в землю. Димка забрался ему на спину и уселся сверху — и тот сразу рухнул под весом.

— Да ты тяжелый, как слон!

— Я не тяжелый, это ты тощий!

— Ладно, теперь моя очередь тебя держать! — заявил Стас, отряхиваясь.

Пока мальчишки кувыркались друг через друга, Максим обратил внимание на соседа, который, надрывая спину, старался утащить куда-то здоровенную клетку, но едва ли мог сдвинуть хоть на пару сантиметров.

Он видел, как они вчетвером затаскивали клетку в ворота, но не понял, почему сейчас он пытается оттащить ее один.

Максим подошел к забору, взявшись руками за деревянные доски, и открыл рот, чтобы что-то сказать, но перевел взгляд на мальчишку. Он ему явно кого-то напоминал, но не мог вспомнить кого. Да, выглядел он весьма чудаковато — Олеся предупреждала мужа об этом, так что большого удивления это не вызывало. Скорее его поражало спокойствие ребенка. Он перевел взгляд на своих детей: Стас залез на Димку и сел верхом, как на лошадь, стукнул рукой по заднице и сказал:

— Но! Пошли.

А затем посмотрел на соседского, который сидел на крыльце, босыми ногами касаясь земли и рассматривал одуванчик.

— Здравсте! — вдруг послышалось со стороны. Новый сосед наконец заметил его. — Могу чем-то помочь? — вежливо поинтересовался он, отряхивая руки.

— Да, я ваш сосед, — Максим быстро затараторил, указывая большим пальцем на свой дом.

Сергей подошел ближе, потянул к нему руку и представился:

— Сергей.

Внешне мужчина старался вести себя спокойно. Но он узнал этого человека. И какова была вероятность? Поселок маленький. Глупо было предполагать, что они никогда не встретятся. И сейчас он с замиранием сердца ждал, что же мужчина скажет дальше. А вот Илье, казалось, совсем было не до него — он был полностью увлечен рассматриванием сорняка.

— Максим. — Сосед пожал ему руку и, дернув плечами, сказал: — Да я вас увидел, подумал, вдруг помощь нужна, — усмехнулся он, указательным пальцем потирая висок, посмотрел вниз, а затем снова на Сергея. — Соседи ведь должны помогать друг другу?

— Да, — усмехнулся Сергей, — помощь не помешала бы.

Максим трусцой выбежал из ограды и подбежал к соседям.

— Дарова, пацан! — сказал он, нелепо улыбаясь.

Ребенок поднял голову и уставился на соседа, затем сказал такое же бесстрастное: «Здравствуйте!» и вернулся к предмету изучения.

Сергей удивленно посмотрел на сына, а затем на соседа, который активно жестикулируя, начал рассказывать:

— Да у меня тоже два пацана, примерно такие же. Тебе сколько? Лет одиннадцать-двенадцать?

Второй раз Илья уже не ответил, но в этот момент из-за забора послышалось громкое «Воу!» и звонкий смех. Сергей заулыбался:

— Слышу.

Максим производил впечатление гиперактивного подростка, и тем удивительнее было, что его дети были примерно одного возраста с Ильей. Вроде он не узнал сына и просто проявлял дружелюбие. Хотя и смущало, что эмоции у парня сменялись, наверное, пару раз в секунду.

— Да, и так каждый день. Так что, куда ее?

— Да, там в доме есть подвал.

— А, да, знаю, — сказал Максим, ухватившись за решетку, чтобы поднять, но затем заметил, что Сергей как-то с подозрением смотрит на него, и рассмеялся. — Да нет, я просто хорошо знал прежних владельцев, они любили с Димкой возиться. — Максим поднял локоть вверх, потягиваясь, и почесал ухо. — Ну, с сыном моим, Димкой. А зачем клетка-то вообще?

— Собаку заводить собираемся.

— А, понял, а зачем в подвал тогда?

— Ну собаку пока еще нам не привезли, лучше убрать, чтоб... ну чтоб никто на металл не стащил сдать.

— А ну понял, понял. Хотя у нас и не таскают тут ничего.

Пока они перетаскивали вольер в дом, Илья поднялся и подошел к забору, встал на бетонный поребрик и, схватившись ладонями за доску, всмотрелся в соседний двор.

Димка, валявшийся на траве, почувствовал на себе тяжелый пристальный взгляд. Ему не нравилось, что этот жуткий пацан смотрит на него искоса, не поворачивая головы:

— Я тебе че, блин, экспонат?!

Илья стоял неподвижно. Его большие глаза смотрели прямо на мальчиков, и Димка, не удержавшись, начал считать, сколько раз тот моргнет. Один, два... четырнадцать раз — долгих, медленных, будто Илья отсчитывал что-то в своей голове, прежде чем наконец шевельнуться. Юнцы переглянулись.

— Странно, — прошептал Стас, потирая руки, словно пытаясь стряхнуть липкое чувство тревоги. — Эй, — позвал он, подбегая ближе. Он подлетел к забору и, вскочив на поребрик, оказался прямо напротив соседа. — Тебя как зовут?

— Да ну, зачем? — спросил Димка, но все же потащился за другом, нехотя устраиваясь рядом.

— Я — Стас, — мальчишка потянул руку над забором.

Но сосед, стоявший с ним почти нос к носу, никак не отреагировал. Он внимательно смотрел на Стаса, а затем потянулся к его челке и вырвал из нее волос.

— Эй, — расширив глаза от неожиданности, Стас отпрыгнул на землю, пока Димка заливался смехом. — Ты че творишь, шизик?! Я имя твоё хотел узнать, а не чтоб ты мне мою шикарную шевелюру портил!

— Ой, было б че портить, — продолжал смеяться Димка.

— Илья, — вдруг тихо произнес мальчик. Голос его звучал слишком неуверенно.

— Ты типа того, — Димка, подняв брови, покрутил пальцем у виска, — из психушки или из колонии?

Сосед не ответил. Нахмурил бровь, пытаясь понять смысл сказанного.

— Ну где твои волосы, — Стас увлеченно рассматривал новенького, — и что вообще с лицом? — Стас провел у себя на лице пальцем, указывая на места, где у Ярцева были шрамы.

— Ты че творишь?! — вклинился Димка. — Ну-ка стряхни!

Стас не был столь же суеверным, как друг, но все же послушался, быстро отряхнув ладошкой места, где только что проводил пальцами.

— У тебя типа вши были или что?

— Вши? — переспросил он, явно не понимая значения слова.

— Не, я не пойму, ты реально совсем ку-ку что ли?! — Димка искренне недоумевал о том, что с этим соседом не так. — Как по телику показывают?

— По телику?

— О-о, точно психушка!

— Ты типа телик никогда не смотрел? — переспросил Стас. — Ну такой ящик с экраном, по нему показывают мультики, фильмы, новости?

С дороги вдруг послышался лай. Мальчики обернулись, их глаза метнулись к улице. Мимо проходила Ленка, покачивая бедрами с той небрежной грацией, что заставляла всех местных пацанов терять дар речи. Ее длинные волосы, выгоревшие на солнце до золотистого оттенка, колыхались в такт шагам, а в руках она держала поводок, на конце которого суетился крошечный щенок. Он заливался лаем, его тьяканье отдавалось эхом от старого забора Ярцевых.

Димка и Стас, хоть и пытались это скрывать, не просто заглядывались на Ленку — они пялились, как замороженные, каждый раз, когда она появлялась в поле зрения. Ленка, привыкшая к таким разглядываниям, бросила на них короткий взгляд и слегка улыбнулась — не то насмешливо, не то снисходительно — прежде чем потянуть поводок, призывая щенка успокоиться.

— Фу, Лаки! — сказала она, ее голос был мягким, но с легкой хрипотцой, как будто она только что напевала себе под нос.

Щенок, однако, не унимался, натягивая поводок и тьякая в сторону забора, за которым стоял Илья.

И тут сосед, до этого неподвижный, резко дернулся. Его тело напряглось, а глаза расширились, уставившись на щенка. Его движение было таким внезапным, таким неестественным, что Димка невольно отступил на шаг назад, чуть не споткнувшись о Стаса.

— Ты че, это же щенок? — буркнул Туменский.

Что-то в том, как Илья смотрел на собаку — не со страхом, не с любопытством, а с чем-то... другим — заставило Стаса почувствовать себя не в своей тарелке.

— Ты собак что ли никогда не видел? — добавил Димка тише, но сосед даже не дрогнул.

Его взгляд оставался прикованным к щенку, который теперь скулил, прижав уши и поджав хвост, будто почувствовал что-то, чего они не видели.

Ленка, заметив странную сцену, остановилась. Она наклонила голову, ее брови слегка приподнялись, и посмотрела на Илью, затем на мальчиков.

— Эй, все норм? — спросила она, ее голос был легким, но с ноткой настороженности.

Она подтянула поводок, прижимая Лаки ближе к себе. Щенок затих, но его крошечное тело дрожало.

Димка сглотнул, пытаясь вернуть себе самообладание.

— Ага, все норм, — выдавил он, заставляя себя улыбнуться.

Стас кивнул, но его глаза все еще были прикованы к Илье, который теперь медленно, почти неохотно, перевел взгляд с собаки на мальчиков. Его лицо оставалось бесстрастным.

Отцы как раз вышли из дома, и Сергей подозвал Илью к себе. Мальчишка тут же подошел к крыльцу.

— Жуть какая, — выдохнул Стас, наконец отводя взгляд от дома Ярцевых.

— Да, — согласился Димка, его голос дрожал сильнее, чем ему хотелось бы.

— Ваш сосед... странный, — сказала Ленка, накручивая поводок на палец. — Я бы на вашем месте не лезла к нему.

Она развернулась и пошла дальше.

— Ну, спасибо, Максим, — пожимая руку, Сергей с благодарностью смотрел на него, прижимая к себе мальчишку. — Не знаю даже, как отблагодарить.

— Да не стоит, — улыбнулся Максим, — мелочь же. А хотя, — он перевел взгляд на свой двор и, проморгавшись, вдруг спросил: — А где варили? Хорошо так, мне бы у них каркас под теплицу заказать.

— Не думаю, что они делают что-то под заказ. Это мужики с завода сварили.

— На «плавке» что ли? А ты там работаешь?

— Ну вроде как, начну со следующей недели.

Сергей почесал затылок коротким, привычным движением и еще раз взглянул на Максима. Совсем юнец. Лицо открытое, глаза живые, но в них уже проглядывала та самая усталость, которую Сергей слишком хорошо помнил по себе. Когда-то и он сам был таким: полон сил, но один на один с жизнью, без старшего товарища, который подскажет, поддержит, просто скажет: «Не парься, прорвемся».

Он понимал, как это тяжело — когда рядом нет человека, к которому можно подойти с вопросом и не бояться выглядеть глупо. Когда все решения принимаешь сам, а ошибки потом долго отзываются болью. А у Максима, судя по всему, именно так и было. Сергей слегка улыбнулся — не широко, но тепло, по-мужски.

— Давай так, — сказал он, — я у мужиков на заводе спрошу насчет каркаса для теплицы и тебе наберу. Номер только дай свой.

Он полез в карманы джинсов, похлопал по ним — пусто.

— Вот черт, — тихо выругался он, — в доме оставил. Ладно, давай наоборот: ты мой запиши и мне набери. А я сохраню.

Максим кивнул, полез в карман и достал старую потрепанную раскладушку — кнопки стертые, корпус в царапинах и сколах, углы обиты, экран с паутинкой трещин в углу. Телефон явно прошел через многое — падал, тонул, выживал.

Сергей взял его в руки, повертел, глядя на потрепанный пластик.

— А чего он у тебя такой побитый? — спросил он с легкой усмешкой, но без осуждения, скорее с пониманием.

Максим пожал плечами, чуть смущенно улыбнулся:

— Да упал пару-тройку раз... ну, может, чуть больше. Живучий, зараза.

Сергей хмыкнул, ввел свой номер, нажал кнопку вызова и вернул телефон.

До возвращения Светы Ярцев занялся обустройством подвала, строго наказав Илье туда не спускаться. Сам мальчик тихо сидел в гостиной на диване и внимательно разглядывал выключенный телевизор, будто пытался понять, что это за штука.

— Хочешь посмотреть? — спросил Сергей, уловив его интерес.

Он взял пульт, включил экран. От внезапного звука Илья вздрогнул и слегка подскочил, но быстро успокоился. Сергей пролистал каналы и остановился на мультиках — ярких, безобидных, с простыми песенками.

Расчет оказался верным: Илья прилип к экрану и просидел так несколько часов, не отрываясь. Глаза его, обычно пустые и настороженные, теперь следили за движением на экране с тихим, почти детским любопытством. Сергей иногда выглядывал из подвала — и каждый раз видел одну и ту же картину: сын сидит неподвижно, но уже не как чужой, а как человек, который впервые за долгое время позволяет себе просто быть.

Света вернулась с несколькими пакетами и, застав Илью одного за телевизором, недовольно цокнула и громко вскрикнула имя мужа. Мальчик испуганно съехал на диване. Глаза его метались от матери к мультикам и обратно. Света поняла, что сын испугался недовольного тона, и, подойдя ближе, попыталась его успокоить:

— Все хорошо, Илюш, не переживай. Смотри дальше, я недовольна твоим отцом, а не тобой.

Сергей уже поднялся из подвала по лестнице, и Света, поставив пакеты, недовольно уперла руки в бока:

— Привет, милая, — улыбнулся он.

— Мы же договаривались не оставлять его одного, — женщина старалась говорить тихо, чтобы не беспокоить мальчика, скорее больше переживая. И украдкой поворачиваясь на него, поглядывая, все ли в порядке.

— Да, я просто подвал готовил.

— Да? — беспокойно переспросила она. — Извини.

Света натянула на лицо улыбку и, стараясь выглядеть как можно мягче и дружелюбнее, подошла к Илье.

— Сынок, у меня для тебя подарок, — сказала она тихо, чтобы не спугнуть. Она протянула ему три пакета и коробку из-под обуви. — Открывай.

Илья сначала потянулся к коробке. Он не спешил. Пальцы медленно скользнули по краю крышки, нашли место, где картон чуть приподнят, и очень аккуратно, чтобы не погнуть и не порвать, начали приоткрывать, отогнув одну створку, потом вторую. Звук картона, тихо потрескивающего при сгибе, был мягким, интимным.

Илья замер. Рот его чуть приоткрылся. Он посмотрел сначала на отца, потом снова опустил взгляд в коробку. Медленно, почти благоговейно, он взял первый кроссовок. Пальцы обхватили его за пятку, вытащили из бумажной прокладки. Бумага тихо зашуршала.

Кроссовок был легким, но ощущался солидно. Он поставил его на перевернутую крышку коробки, которая лежала у него на коленях, и тут же достал второй. Таким же движением, аккуратным, неторопливым.

Теперь оба кроссовка стояли перед ним: белые, идеально чистые, с ровными швами и блестящими шнурками, еще аккуратно заправленными. Свет из окна падал на них мягко, подсвечивая ткань. Илья протянул руку. Сначала коснулся кончиками пальцев носка. Потом провел ладонью по боку: ткань была гладкой, чуть прохладной, с легкой текстурой сетки. Он погладил подошву. Пальцы скользнули по шнуркам, по язычку, по внутренней стельке.

Света не удержалась, опустила ладонь ему на затылок, где волосы только-только начинали отрастать, и слегка прижала к себе. Ладонь была теплой, движение — робким, но полным нежности.

Илья еще раз взглянул на кроссовки, снова коснулся их кончиками пальцев — будто проверял, настоящие ли. Потом тихо поднял глаза на Свету.

— Не нравится? — спросила она, чуть наклонившись.

— Нравится, — ответил он сразу, голос спокойный, ровный.

— Точно?

Он энергично закивал и повторил, уже увереннее:

— Нравится.

Позже Илья примерил почти все вещи из пакетов. Большинство село хорошо — может, чуть великовато, на вырост, — но сидело удобно, не жало, не стесняло движений. Все это он аккуратно сложил на стул в своей комнате. Кроссовки же из коробки так и не достал.

Сергей, наблюдая за этим из дверного проема, почувствовал теплую волну в груди. Мальчик принял комнату за свою. Принял вещи. А значит — шаг за шагом — начинал принимать и их.

Как же он хотел надеяться, что ночь в их новом доме никогда не наступит. Мужчина медленно поднялся вверх. За приоткрытой дверью Илья сидел на табуретке у окна и крутил в руках свои новые белые кроссовки.

Мальчишка обернулся, когда отец переступил порог. Горло защемило, словно пересохло, и пальцы сами собой начали дрожать — сначала немного, потом сильнее, так что кроссовок едва не выпал из рук.

Да. Слишком умен. Он все знает, и Сергей надеялся, что понимает их мотивы.

Илья аккуратно уложил кроссовки обратно в коробку, закрыл крышку и оставил ее на стуле в своей комнате. Потом поднялся и, не глядя по сторонам, подошел ближе к отцу.

— Сегодня ночуем с тобой внизу, — спокойно сказал Сергей, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Илья поднял глаза — темные, внимательные. Губы его шевельнулись.

— Пап... — вырвалось сипло, будто он давно не разговаривал.

Илья, похоже, сам испугался собственного голоса: он звучал чужим, рваным. Мальчик замер на миг, а потом резко шагнул вперед и обнял отца.

Света спустилась вместе с ними на первый этаж, чтобы пожелать Илье спокойной ночи. Последние сутки она почти не сомкнула глаз. Сергей же успел немного вздремнуть днем, поэтому они договорились меняться: сегодня он остается внизу, завтра она.

Она наклонилась к сыну, едва коснувшись губами его макушки и тихо прошептала:

— Спокойной ночи.

Потом улыбнулась обоим и поднялась наверх. Дверь за ней закрылась почти без звука.

Илья остался с отцом. Сергей взял его за руку и повел в подвал. Лестница поскрипывала под ногами, слабый свет лампочки освещал бетонные стены и отблескивал на металле.

В углу стояла клетка: высокая, с толстыми прутьями. Внутри аккуратно лежали матрас, одеяло и подушка. Сергей остановился и кивнул в ее сторону:

— Вот здесь будем спать сегодня.

Илья не сказал ни слова. Он просто посмотрел на клетку, потом на отца — спокойно, без удивления, без страха. Будто так и должно быть.

Он долго стоял в дверях подвала, просто глядя на клетку. Лицо его оставалось спокойным, взгляд — ровным, без тени сомнения. Потом он сам подошел к ней. Без спешки, без колебаний. Тихо открыл дверцу — металл мягко звякнул в тишине.

Свернувшись в клетке, маленький, в огромном свитере, на аккуратно постеленном одеяле, Илья выглядел абсолютно умиротворенным. Спокойным.

Сергей думал, что первая ночь в новом доме была самой тяжелой. Но как же он ошибался. У него сердце кровью обливалось при виде такого смиренного сына.

Мужчина сидел на полу рядом и не мог пошевелиться.

Вечер у Алферовых тоже был тихим. На кухне пахло свежей картошкой и луком — Олеся уже поставила кастрюлю на плиту, но ужин еще не был готов. Лампа над столом горела тускло, отбрасывая длинные тени.

Максим сидел во главе стола, сгорбившись над стопкой бумаг по страховке. В руках он вертел ручку. И хмурился так сильно, что на лбу собрались глубокие морщины. Он корчил гримасы: то морщился, то тихо цокал языком, перечитывая один и тот же пункт по пятому разу. Цифры, условия, исключения — все сливалось в бессмысленный туман. Он ничего не понимал. И не только в этих бумагах.

Внутри него все жгло от чувства, что он подвел семью. Машина, работа, деньги. Он — глава семьи, но ничего не может сделать. Хотелось встать, выйти, исчезнуть хоть на минуту, но он не знал, куда себя деть. Просто сидел, уткнувшись в бумаги, и делал вид, что разбирается, хотя ручка в пальцах дрожала от напряжения.

Олеся была какой-то особенно тихой в этот вечер. Она двигалась по кухне медленно, почти бесшумно: резала лук, ставила сковороду, но все это без обычной легкости. Когда она улыбалась мальчишкам или Максиму, улыбка выходила грустной, натянутой: уголки губ поднимались, но глаза оставались усталыми.

Дети забрались на кухонные тумбы по обе стороны от раковины. Ноги их болтались в воздухе, а в руках — ножи и картошка. Олеся попросила их почистить, и они с энтузиазмом взялись за дело, сбрасывая кожуру прямо в раковину.

Олеся вышла из комнаты с полным мусорным пакетом в руках, остановилась в дверях и посмотрела на них.

— Это что такое? — спросила она мягко, кивая на их импровизированные места.

Только тогда Максим поднял глаза от бумаг. Он моргнул, будто очнувшись, и тихо, но твердо сказал мальчикам:

— Пацаны, ну-ка перестаньте.

Те переглянулись, улыбочиво кивнули и спрыгнули на пол.

— Дим, ты сильно занят? — спросила женщина, завязывая пакет.

Димка отложил нож, вытер руки о штаны и подскочил к матери:

— Нет, чем помочь?

Димка кивнул сразу, без вопросов схватил пакет обеими руками и убежал во двор. Дверь за ним хлопнула, впуская прохладный вечерний воздух и звук его быстрых шагов.

Стас остался за столом один с взрослыми. Он все еще держал нож и половинку очищенной картошки, но теперь сидел тихо. Взгляд его скользил по кухне: от кастрюли на плите к бумагам Максима, потом к Олеся.

Он помедлил, покусал губу, потом поднял глаза и робко спросил:

— Теть Олеся, а Леша не звонил?

— Вроде нет, — ответила она мягко. — Я телефон не проверяла, но если позвонит — сразу скажу.

Стас кивнул, но в глазах мелькнуло легкое разочарование.

Олеся подошла к Максиму, взяла его чашку, глотнула кофе и скривилась: совсем остыл. Молча вылила его в раковину, насыпала новый, залила кипятком и поставила перед мужем новую, горячую.

— Пей, пока теплый.

Через полчаса семья наконец села за стол. На тарелках дымилась жареная картошка с луком и кусочками мяса, рядом стояла миска с салатом из свежих огурцов и помидоров.

Максим ел быстро, нервно. Вилка стучала о край тарелки громче обычного. Он все еще был на взводе, и это чувствовалось в каждом движении. Олеся сидела напротив, ела мало, большековыряла еду. Ее взгляд то и дело падал на Стаса. Грустный, почти виноватый.

Димка впервые ел молча, поглядывая то на отца, то на мать. Ему было не по себе. Он не понимал, что происходит, но чувствовал: что-то не так.

Разговор завязался сам собой: Стас начал рассказывать про нового соседа.

— Да, мы познакомились с ним!

— А этот Илья... странный какой-то, — добавил Димка, тыкая вилкой в картошку.

Стас кивнул, подхватывая:

— Да, я ему руку протянул, а он мне челку выдернул. Просто так, без ничего. Я такой: «Ты че творишь?!». И когда Ленка с Лаки прошла, он аж дернулся. Как будто собак никогда не видел.

Максим оторвался от тарелки, поднял бровь.

— Серьезно? А мне его отец сказал, что они собаку будут заводить.

— Странно заводить собаку, если он боится. — присоединилась к разговору Олеся.

— Да, и я о том же.

— Пап, — осторожно позвал Димка, — свозишь нас завтра до Стаса? У него сорок восьмой выпуск остался...

Из отца прыснул усталый смешок:

— Отвезу? На чем? — Максим похоже и сам не заметил, что голос его прозвучал неожиданно громко и грубо.

Олеся замерла с вилкой в руке. Ее взгляд стал острее.

— Макс... — начала она тихо, но он уже продолжил, уловив тон.

— Прости Дим, не завтра — это уж точно. У тебя просто отец тупой, поэтому...

Олеся положила вилку на стол. Медленно, аккуратно.

— Не надо так говорить о себе, — сказала она ровно, но в голосе появилась стальная нотка.

В кухне повисла тишина. Димка замер с вилкой на полпути ко рту, Стас тихо ковырял картошку.

В этот момент из кармана Олеся послышался звук вибрации. Она достала мобильник и посмотрела на экран.

Стас тут же оживился, подался вперед:

— Леша?

Олеся покачала головой, в голосе мелькнула грусть.

— Нет... — ответила она тихо. — Предупреждение от МЧС пришло. Гроза ночью, мол, возможна.

Она положила телефон на стол, посмотрела на Стаса, грустно, почти виновато. Сегодня очень важный день. Леша обязан был позвонить. И хотя Стас об этом не знал, Олеся видела в нем черты его родителей так ясно, что сердце сжималось. Она старалась держать лицо, но улыбка выходила вымученной.

— Он, наверное, замотался, — добавила мягко. — Самолет уже приземлился, а там еще багаж, такси... Все долго.

Стас опустил плечи. Разочарование читалось на его лице, хоть он и старался это скрыть.

Олеся помолчала секунду, потом подвинула телефон ближе к нему.

— Возьми, — сказала она. — Выйди на улицу и сам позвони. Может, просто не дозво-
нился мне.

Стас посмотрел на нее широко раскрытыми глазами, потом на телефон — и кивнул. Быстро встал, схватил мобильник и выскользнул во двор. Дверь за ним тихо закрылась.

На кухне снова стало тихо. Максим смотрел в свою тарелку, Олеся — в окно. Димка ковырял салат, не зная, что сказать.

Напряжение не ушло. Оно просто затаилось, ожидая следующего слова или его отсутствия.

Стас садиться на нижнюю ступеньку крыльца и набирает номер. Гудок, еще один. Мальчишка надевает шлепки и делает пару шагов в сторону калитки. Снова гудок, но ответа нет. Стас какое-то время ходит по двору туда-обратно и снова набирает номер.

«И почему Леша не может просто со мной поговорить?» — задается вопросом мальчишка. Жаль, что ему никто не может на этот вопрос ответить. Ведь не так много он хотел от Леши. Всего лишь услышать: «Долетел, все хорошо», может еще вопрос: «Как дела?» или чтобы тот пожелал ему доброй ночи.

Нет, у Алферовых ему и правда хорошо. Просто он наделся, что уже день как будет дома. Все ведь проводят время дома. А он чем хуже?

Стас сам не заметил, как долго пробыл на улице. Заходить внутрь не хотелось. Похоже ему дали время побыть одному. И только когда на улице совсем стемнело, за его спиной тихо скрипнула дверь. Стас обернулся. На пороге стоял Максим. Он вышел включил свет на крыльцо и тихо спросил:

— Долго еще сидеть собираешь?

Стас пожал плечами, не поднимая глаз.

— Не знаю.

Максим вышел, закрыл дверь и сел рядом на ступеньку. Помолчал немного, глядя в ту же темноту.

— Не берет трубку?

— Нет, — коротко ответил Стас.

Максим кивнул, потер ладонью затылок.

— Знаешь... Леша — он такой. Всегда в делах, в беготне. Самолеты, встречи, телефоны на беззвучке. Но он не забывает. Просто... у взрослых иногда не хватает времени.

— Я просто хотел услышать, что он долетел. И все.

— Он долетел, Стас. Точно тебе говорю. А завтра позвонит — первым делом. Он, наверняка уснул просто. И тебе уже пора бы поспать.

Стас кивнул, но плечи все равно были опущены.

— Ладно...

Он встал, отдал телефон Максиму.

— Спокойной ночи.

— Спокойной, Максим.

Стас зашел в дом. Максим остался на крыльце еще минуту — глядя в темноту, потом вздохнул и пошел следом. Дверь закрылась тихо, без хлопка.

В спальне было темно, только слабый свет от уличного фонаря пробивался сквозь тонкие занавески. Воздух был прохладным, с легким запахом дождя, который все еще висел за окном.

Олеся сидела на краю кровати, устало опустив плечи. Она достала сигарету из пачки, повертела ее в пальцах, глядя на белый фильтр, но не зажгла.

Максим зашел в комнату, тихо закрыв дверь. Он остановился у порога, глядя на нее.

— Терпеть не могу, когда ты куришь в постели, — сказал он мягко, без упрека, просто констатируя факт.

Олеся вздохнула, убрала сигарету обратно в пачку и отложила ее на тумбочку.

— Что поделать, если я устала, — ответила она тихо, почти шепотом. Вытащила шпильку из волос — одну, вторую. Длинные янтарные пряди тяжело рассыпались по плечам, касаясь спины.

— Я знаю, что ты устала, — Максим подошел ближе, сел рядом. Матрас прогнулся под его весом.

Повисла пауза. Олеся смотрела в пол, на старый коврик у кровати. Максим — в потолок.

— Стас дозвонился? — спросила она наконец, не поднимая глаз.

— Нет.

— Ну, может, дел много.

Максим хмыкнул — коротко, без улыбки.

— Или он высокомерный засранец.

Олеся повернулась к нему, в глазах мелькнула укоризна.

— Ну, он очень изменился. Я уже и не припомню, чтобы он вел себя с тобой высокомерно.

— Ну, я думаю, что у этого засранца, несмотря на всю его подленькую натурку, осталось хоть малейшая чувство стыда.

— Максим!

Он поднял руки в шутливом сдаче, ладонями вперед.

— Да, прости. Ладно, забыли.

Олеся помолчала, потом тихо, почти неуверенно сказала:

— Может, мне тоже поискать работу?

— Лесь, ну у нас здесь нет нормальной работы, знаешь же.

— Ну не обязательно нормальную. Можно в целом любую. Вон в супермаркете кассир требуется.

Максим повернулся к ней всем телом, посмотрел серьезно, без тени шутки.

— Ты? Кассир? Ты слишком хороша, чтобы быть кассиром.

Она улыбнулась — впервые за вечер по-настоящему. Улыбка была слабой, усталой, но искренней, и в ней мелькнуло что-то старое, девичье. Она сжала его руку — пальцы теплые, чуть дрожащие.

— Да ладно тебе. Мне кажется, я прекрасно подойду для того, чтобы быть кассиром.

Он покачал головой, провел большим пальцем по ее ладони. Медленно, нежно, как будто запоминая.

— Ты была самой умной — не то что в классе, наверное, во всем городе. Какой к черту кассир?

— Ага, такая умная, что аттестат только за девятый класс забрала, — ответила она с легкой самоиронией, но в голосе не было горечи, только тихая улыбка. — Надеюсь, Димка так не сгруппит. Хочу, чтоб у него был и аттестат, и выпускной.

— Да брось, — Максим запрокинул голову назад, глядя в потолок. — Зачем тебе этот выпускной? На наших дебилов-одноклассников смотреть? Или ты хотела станцевать со мной?

Он заулыбался той самой мальчишеской, чуть нахальной улыбкой. Достал телефон из кармана, покопался в плейлисте и тихо включил песню. Медленную, с гитарой и чуть хриплым вокалом.

Он приклонил колено к кровати, выставил руку вперед. Олеся, как всегда, сначала безэмоционально заморгала, наклонила голову, будто о чем-то глубоко задумалась. Глаза ее на миг стали серьезными. И, наконец, подала Максиму руку.

Они медленно танцевали, в своей комнате, босиком, на скрипучем полу и кажется, были счастливы.

В Димкиной комнате было душно, несмотря на приоткрытое окно, через которое вползал прохладный ночной воздух. Свет уже не горел — только слабый отблеск от уличного фонаря ложился полосой на пол. Стас осторожно прошел к узкой кровати, стараясь не скрипнуть половицей. Ему показалось, что друг уже спит: дыхание Димки было ровным, глубоким.

Он тихо перекинул подушку с изголовья в противоположную сторону и лег валиетом — ноги к голове Димки, чтобы не толкаться локтями. Когда потянул на себя одеяло, услышал раздраженный, сонный голос друга:

— Ты надоел уже одеяло отбирать.

— Ты не спишь?

— Сплю, — буркнул Димка, не открывая глаз.

— Давай поговорим, — предложил Стас тихо, почти умоляюще. — Расскажу, как с Лешей поговорил...

— Стас, давай завтра. Спокойной ночи.

Димка отвернулся к стене, подтянул одеяло на себя и через минуту действительно задышал ровно.

Стас остался лежать неподвижно. Сначала просто смотрел в потолок, где тени от занавески медленно покачивались. А потом — вдруг, без предупреждения — слезы ручьем полились из глаз. Горячие, обильные, они катились по вискам в волосы, в уши. Он закусил губу, чтобы не всхлипнуть громко, закрыл рот ладонью и уткнулся лицом в подушку.

Дыхание прерывалось, но он старался не издавать ни звука. Он повернул голову и посмотрел на Димку. Тот спал крепко, отвернувшись, кудрявые волосы растрепались на подушке. Стас не знал, чего хочет больше: чтобы друг проснулся и сказал «да ладно, рассказывай», или чтобы Димка спал дальше и не видел, как он здесь, в темноте, тихо разваливается на части.

Слезы все текли. Стас закрыл глаза, прижал ладони ко рту крепче и просто лежал в темноте, слушая, как за окном шуршит ветер в листьях. Ночь была длинной. Он не шевелился, боясь разбудить Димку, и просто ждал, когда внутри все утихнет. Но не утихало. Грудь сжимало, горло болело, а мысли крутились по кругу.

Вдруг за окном послышался звук — странный, хриплый, протяжный. Не то вой, не то стон, приглушенный расстоянием и ночью. Стас замер.

Сердце, только что ноющее от грусти, теперь бешено заколотилось.

Он осторожно приподнялся на локте, прислушался. Звук повторился — низкий, надрывный, будто кто-то или что-то мучительно дышит в темноте.

Стас медленно, стараясь не скрипнуть кроватью, подполз к окну. Приоткрытое стекло впускало прохладный воздух, и он, затаив дыхание, выглянул наружу.

В слабом свете фонаря, у края двора, виднелся сторбленный силуэт, отдаленно напоминающий человека. Он стоял неподвижно, голова опущена, плечи вздрагивали. Звук шел именно оттуда — хриплый, прерывистый вой, больше похожий на сдерживаемый плач.

Стас огляделся по сторонам — двор пустой, забор, лес за ним черной стеной. Куда бежать? Крикнуть? Разбудить всех? Мысли метались: «Вдруг это маньяк? Или зверь какой?»

Силуэт стоял неподвижно. Так долго, что Стас начал думать, может, это просто дерево или столб, обман зрения. Но нет: плечи снова вздрогнули, и звук повторился — ближе, отчетливее.

И вдруг, резко, без предупреждения, голова силуэта повернулась в сторону окна.

Стас не увидел лица. Темнота скрывала черты, только тень, черная провалина вместо глаз и рта. Но взгляд... он почувствовал его. Тяжелый, прямой, будто пронзил стекло и уперся прямо в него.

Страх ударил мгновенно. Дыхание перехватило, в ушах зазвенело. Стас отскочил от окна, шлепнувшись спиной о кровать. Сердце колотилось так, что казалось, выскочит из груди. Он вжался в матрас, схватил одеяло и накрылся с головой, полностью, до кончиков пальцев ног.

Под одеялом было жарко, душно, темно — как в ловушке. Он лежал, не шевелясь, слушая собственное дыхание и биение крови в висках. «Это он смотрел на меня? Увидел? Что теперь?» Мысли метались в панике. Ноги дрожали, руки онемели. Ночь за окном вдруг стала враждебной, полной шорохов и теней.

И только когда дыхание немного выровнялось, а звуки за окном прекратились. Он осмелился приоткрыть краешек одеяла. Комната была тихой, Димка спал. За окном — ничего. Ни звука, ни силуэта.

Сердце постепенно замедлялось, но страх не уходил полностью. «Что это было? — думал он, глядя в темноту. — Обман зрения? Просто тень от дерева? Или я задремал и приснилось в полудреме?»

Мысли путались. Он пытался убедить себя, что ничего не было — просто усталость, слезы, ночь. Но звук... этот хриплый вой все еще стоял в ушах, а поворот головы — резкий, нечеловечески точный — казался слишком реальным.

Он еще некоторое время лежал, потом осторожно приоткрыл одеяло и выглянул в окно. Ночь была тихой: ветер стих, комары жужжали у стекла, фонарь у дороги мерцал слабо. Никакого силуэта. Пусто.

«Все-таки почудилось», — подумал Стас, но внутри осталось неприятное покалывание. В конце концов, ненадолго выйти на улицу и проверить показалось ему не такой уж тупой идеей.

Он тихо встал, собрал одежду, и на цыпочках вышел из комнаты, стараясь не разбудить Димку. Оделся уже на кухне.

Дверь на улицу открылась бесшумно. На крыльце, привлекая рой комаров, горела лампа. Они сразу облепили его со всех сторон: жужжали у ушей, садились на руки, на шею. Стасу было жутко — ночь казалась гуще, чем обычно, воздух тяжелее. Он огляделся: двор пустой, забор, трава. Никого. Ни силуэта, ни звука.

«Почудилось, точно почудилось», — прошептал он себе под нос, пытаясь успокоиться. Даже тихо рассмеялся над собой — нервно, коротко. «Дурак, напридумывал...»

Но вдруг взгляд его упал на калитку.

Она была нараспашку.

Стас замер. Странно... как он сразу этого не заметил? Калитка стояла открытой, слегка покачиваясь от легкого ветерка.

«Ну, может, просто забыли закрыть?» — подумал он. Внутри все сжалось. Он был почти уверен: когда заходил в дом после разговора с Максимом, калитка была закрыта. Щелкнул замок, точно помнил.

Медленно, шаг за шагом, он пошел к ней. Ноги казались ватными, не гнулись в коленях, каждый шаг, как через силу, тяжелый, будто земля притягивала сильнее обычного. Сердце колотилось в горле, в ушах звенело. Комары все жужжали, но он их уже не замечал.

С каждым шагом становилось страшнее. Воздух холодел, хотя ночь была теплой. Калитка была все ближе — открытая, приглашающая в темноту за забором.

Стас схватился рукой за холодную металлическую калитку — пальцы обхватили ржавую ручку, уже готовясь захлопнуть ее и вернуться в дом, где тепло и безопасно. Но в этот момент он поднял глаза и замер.

Впереди, за полем, над первой полосой леса, что-то мелькнуло. Темная фигура бежала к деревьям. Не шла, не ковыляла, а бежала сломя голову.

Стас вышел за забор, шагнул вперед, не думая, и сразу увидел: калитка соседей тоже была нараспашку. Цепь болталась, ворота слегка покачивались от ветра. «Возможно, соседя тоже напугало что-то жуткое?» — мелькнуло в голове.

Он вглядывался вперед, прищурившись в темноту. Фигура была уже далеко, но силуэт казался знакомым. Стас был почти на сто процентов уверен: это их новый сосед.

Там днем-то легко заблудиться. Они с Димкой не раз плутали в этом лесу, петляли по тропинкам, пока не приходилось звонить Максиму, чтобы он их нашел. А тут ночь. И человек один. Только что переехал, не знает троп, не знает, где река делает петлю, где болото начинается.

«Куда он побежал? — подумал Стас, чувствуя, как холодок бежит по спине. — Хотя... может, то, что напугало меня, направилось в их дом? Я бы тогда тоже в лес рванул сломя голову, лишь бы подальше».

Он смотрел вперед: фигура удалялась все дальше, мелькая между стволами. Еще немного и скроется за деревьями окончательно. Тогда его вообще невозможно будет найти: лес большой, тропинки запутанные, ночь глухая.

Времени будить Димку или взрослых не было — пока объяснишь, пока соберутся.

Стас сам себя ругнул под нос — тихо, сквозь зубы: «Дурак, идиот, куда ты...» — но ноги уже шагнули вперед. Он выскользнул за калитку, не захлопнув ее, и побежал через поле. По мокрой траве, в темноту, вслед за удаляющимся силуэтом.

Воздух был холодным, резким, бил в лицо, заполняя легкие. Сердце колотилось так сильно, что казалось, эхо отдается в ушах громче шагов.

Он бежал через поле. Не оглядываясь, не думая о том, что оставляет за спиной. Трава хлестала по ногам, высокая, мокрая, цеплялась за штаны. Под ногами чавкало: то лужица после дождя, то мягкая земля. Фонарь на крыльце Алферовых остался позади, свет его слабел с каждым метром, и скоро поле поглотила темнота.

Дыхание сбивалось, в горле першило, но он не останавливался. Фигура Ильи уже скрылась за первой полосой деревьев, но Стас видел направление — прямо, к лесу.

Добежав до опушки, он не замедлился — влетел под кроны берез, где сразу стало темнее и тише. Листья шуршала под ногами, ветки цеплялись за одежду, царапали руки.

Стас забежал в лес глубже, чем планировал. Тропинки не видно, только стволы деревьев, черные в темноте, и кусты, которые хватали за ноги. Он остановился на миг, прислушиваясь: где-то впереди хрустнула ветка.

Илья все еще бежал?

Ноги у Стаса дрожали от усталости и адреналина. Он пошел дальше. Медленно теперь, осторожно, запинаясь о корни и низкие ветки. Каждый шаг сопровождался хрустом листьев или треском сучьев под ногами — громким в этой тишине.

— Илья! — позвал он тихо сначала, потом громче, голос дрожал. — Эй! Подожди!
Нет ответа. Только эхо его собственного голоса отскакивало от деревьев и затихало.

— Илья! — крикнул он уже во весь голос, запинаясь о корягу и чуть не упав. — Ты где?
Это Стас, с соседнего дома!

Он остановился и прислушался. Сердце колотилось в ушах, дыхание шумело. Лес молчал. Ни хруста, ни шороха шагов. Звуки затихли полностью.

И вдруг, совершенно неожиданно, ему в голову пришла мысль: «А вдруг соседа здесь вообще не было?»

Стас замер. Он ведь не видел соседа. Только кого-то стоящего у него во дворе и смотревшего на него. Это мог быть кто угодно. Или что угодно. А потом это что-то вполне могло убежать в лес.

Холод пробежал по спине, волосы на затылке встали дыбом. Стас сделал шаг назад — медленно, осторожно, боясь даже дышать громко.

И вдруг — громкий треск раздался где-то за спиной.

Резкий, близкий.

Глава 4

В Колотках эта ночь тоже проходила беспокойно. Глава администрации края — Кирин Евгений Викторович прибыл в поселок в начале второго. Он редко выезжал из Домнагорска один. Но сегодня обстоятельства были особенными, и мужчина предпочел приехать тихо, без лишних глаз.

Заметив дым еще с дороги, он чертыхнулся себе под нос. Машина остановилась у пропускного пункта Краевой психиатрической больницы имени К. А. Чернышева. Точнее у того, что от нее осталось.

Мужчина медленно вышел из машины. Холодный ветер сразу ударил в лицо, принесся запах гари и чего-то едкого, химического. Запах мгновенно пропитал его дорогой костюм.

Поморщившись, он остановился у шлагбаума и, чуть пригнувшись, неловко пролез под металлической перекладиной.

Едва мужчина выпрямился, как из будки, сложенной из серых бетонных блоков, к нему стремительно выбежал охранник в камуфляжной форме, респираторе и с ружьем наперевес.

— Вход на объект запрещен! — запыхавшись вскрикнул он.

Евгений Викторович нахально усмехнулся, оглядев его с головы до ног: совсем еще мальчишка. Напуганный до чертиков мальчишка. И что он здесь делает?

— Мне разрешено.

Охранник не шелохнулся. Только медленно поднял взгляд.

— Вход на объект запрещен! — снова повторил он, как попугайчик.

— Я к Власову.

— К Юрию Андреевичу? — удивленно переспросил парнишка.

— Да, — мужчина закатил глаза, тяжело вздохнул, — к Юрию Андреевичу. Мы еще полчаса назад должны были встретиться. Проезд-то мне откроешь?

Парень замешкался, явно растерявшись. Часто заморгал глазами. Обернулся по сторонам, похоже в надежде спросить у кого-нибудь совета, но рядом никого не было. И, окончательно растерявшись, он сдался:

— Дальше нельзя на машине. Только пешком. Приказ.

Кирин прищурился. Не хотелось ему в одиночку, пешком идти по этой территории.

— Чей приказ? — спросил он тихо, но с нажимом.

— Главврача. Грунт проседает. Асфальт местами проваливается. Могут быть пустоты. Машина провалится — не вытащим.

Кирин молчал несколько секунд. Потом коротко кивнул.

— Хорошо.

Миновав пропускной пункт, он пошел в обход здания. Парнишка сказал, что ближайшая дверь заперта. Открытым оставался только главный вход. Туда он и направился.

Воздух был тяжелым, пропитанным гарью и чем-то металлическим. По всему периметру не было освещения, но мужчина все равно мог рассмотреть груды строительного мусора и черные мешки с отходами. Люди в оранжевых жилетах и респираторах двигались размеренно: кто-то таскал ящики, кто-то резал кабели, кто-то заливал что-то из больших канистр прямо в трещины в бетоне. Все происходило без лишних разговоров, только команды, короткие и резкие.

У центрального входа, лежала огромная куча тряпья, пропитанного чем-то бурым. Рядом стояли два парня лет двадцати, в обычных куртках, медицинских масках и перчатках. Они сразу привлекли внимание мужчины. Один из них неловко пытался поднять мокрую тряпку, но она выскользнула из рук и шлепнулась прямо на колено второго, оставив темное пятно.

Второй парень вздрогнул, отшатнулся, глаза расширились от ужаса.

— Ты чего вообще, больной?! — заорал он, отталкивая тряпку ногой. Голос дрожал, высокий, почти детский.

— Да я же случайно!

— Руку я тебе шас случайно сломаю, совсем больной?! — парень уже кричал, отступая назад, держась за грудь.

— Здравствуй, Евгений Викторович! — послышалось из-за спины.

Кирин остановился. Сердце громко стукнуло. Обернувшись, он увидел того, к кому и приехал. Юрий Андреевич — заместитель губернатора по экономике Домнагорского края и по совместительству владелец данного здания.

Юрий Андреевич протянул ему руку в приветствии.

— Дым привлечет людей. — недовольно произнес Кирин, крепко пожимая руку.

Юрий Андреевич даже не моргнул.

— Да нет тут никого. Здесь же нихрена нет: вон, развалюха наша, да ж/д станция, по которой никто не ездит.

— Мы об этом не договаривались. И почему ты мне не сказал, что грунт проседает? Я почему об этом только тут узнаю? — мужчина старался звучать сдержанно, но беспокойная интонация все равно проскакивала.

Юрий Андреевич чуть улыбнулся.

— О чем именно? О гранте? Мы все выполнили. Объект очищен. Программа завершена. Вы получили дороги, школы, детсады. Рейтинг подняли. Люди в кризисе без работы сидели — теперь будут места. Расширение, финансирование, нацпроекты. Все по плану. О чем конкретно мы не договаривались?.. А что до грунта? — с легкой насмешкой отмахнулся он, — Хрень это все, просто Стрыгаило уже в возрасте, вот и перестраховывается.

Кирин наклонился ближе. Боязливо, почти шепотом спросил:

— А если всплывет? Если кто-то узнает, что тут было?

Юрий Андреевич пожал плечами.

— А что тут было? Больница и была, все как указано. — Юрий Андреевич взглянул на собеседника и понял, что ответ его явно не устроил. — Да ладно. Пока здание получают, пока оформят бумаги, пока отремонтируют... от всего этого и следа не останется.

Кирин молчал. Юрий Андреевич положил руку ему на плечо.

— Помни, что ты уже дал разрешение. Мы отчитались: объект очищен, программа завершена. Все как надо. Ради будущего края. — говорил он как-то театрально, от этого Кирину все больше становилось не по себе, — Вами двигали благородные мотивы. И ничего страшного не случилось.

Кирин молчал. Ветер завыл сильнее, забираясь в разбитые окна с решетками. Сквозь щели гудел сквозняк. Как вдруг по ушам ударил мужской, хриплый, поющий какую-то странную, детскую песенку, голос. Оказалось, один из рабочих тихо запел.

Тощий высокий мужчина в грязном медицинском халате резко повернулся. Его лицо, искалось раздражением.

— Тебе весело, что ли? — бросил он, голос хриплый, усталый, но с явной злостью.

Парень, который пел, мгновенно замолк.

— Да нет, Паш... — пробормотал он тихо, почти виновато. — Так, отвлечся.

Паша цокнул языком. Он наклонился, подхватил коробку с лабораторной посудой.

Юрий Андреевич, стоявший рядом с Кириным, заметил движение и поднял руку, подзывая.

— Паш, подойди-ка сюда.

Паша аккуратно поставил коробку на землю и подошел к ним медленным шагом, засунув руки в карманы халата. Лицо его было серым от усталости, глаза красные, под ними темные круги.

— Как у нас дела? — спросил Юрий Андреевич спокойно, но с той интонацией, которая требовала четкого ответа.

Паша пожал плечами, не глядя никому в глаза.

— Да как, как... — протянул он устало. — До рассвета вроде успеем. Если не будет дождя. А если будет... тогда дольше.

Кирин, все это время стоявший молча и смотревший в землю, вдруг поднял голову. Его лицо напряглось, губы сжались в тонкую линию. Он резко перебил Пашу, голос прозвучал громче, чем он сам ожидал:

— А детей, которых не забрали... вы куда увезли?

— Пока в Домнагорск, Глеб Алексеевич в свою клинику увез.

— Это еще кто?

— Стрыгаило, — вклинился Юрий Андреевич. — Главврач.

— Да, не лучшая была затея, честно говоря, — Глеб Алексеевич и сам появился за спиной. Он не был одет в амуницию, как все остальные. Так и остался в медицинском халате, маске и синих нитриловых перчатках, как, впрочем, и Паша. — Слышали, что у нас там в Домнагорске случилось?

— О господи! — Кирин сощурился, устало потер глаза. — Мухин — это что, тоже ваш?

— А чей еще в моей-то больнице? — переспросил главврач. — А с виду такой безобидный был...

— Все они с виду безобидные, — отозвался Паша, стягивая с рук перчатки. Он потянулся в карман, достал сигарету и подкурил. — Только моргнуть не успеешь — на части порвут.

— Так вы зачем тогда их в семьи отдавали? — Голос дрогнул на последнем слове, поднялся выше обычного.

Он стоял посреди двора и смотрел то на Глеба Алексеевича, то на Пашу, то на Юрия Андреевича. Ждал, что кто-то из них сейчас рассмеется и скажет: «Шутка, Евгений Викторович, успокойтесь». Но никто не смеялся. Все молчали.

— А как по-другому? — наконец, тихо ответил Глеб Алексеевич. — Им все равно недолго осталось. Пусть хоть родители попрощаются. Это... гуманно, я считаю.

— Недолго? Вы меня в могилу свести решили? — переспросил Кирин, обращаясь к Юрию Андреевичу.

— Да успокойся, Евгений Викторович. Ты-то тут вообще при чем? Вон детишки сколько прожили уже? С родителями даже повидались — это считай благородное дело.

Кирин громко выдохнул. Звук вышел резким, почти злым, будто он выталкивал из себя весь накопившийся воздух. Он резко повернулся к Паше, который все еще стоял чуть в стороне.

— Сигарету дай, — сказал он коротко, голос хриплый.

Паша не удивился. Он молча кивнул, сунул руку в карман грязного халата и вытащил мятую пачку «Примы» без фильтра. Достал одну сигарету.

Кирин аккуратно взял ее, будто боялся испачкаться. Поднес к губам, вставил между ними. Паша щелкнул зажигалкой. Кирин наклонился, прикрыл ладонью огонек, затаился глубоко, жадно.

Первая затяжка прошла нормально. Вторая — уже нет. Дым, смешанный с холодным воздухом и едким запахом, ударил по легким. Сухой кашель вырывался из груди. Он отвернулся, прижал кулак ко рту, пытаясь сдержаться, но приступ не отпускал.

Паша смотрел на него спокойно, без жалости и без насмешки. Просто смотрел, как человек, который уже видел такое тысячу раз. Когда кашель наконец утих, выпрямился, тяжело дыша.

— Ладно, — сказал он тихо, глядя куда-то мимо всех. — Пойду посмотрю сам.

Юрий Андреевич нахмурился.

— Евгений Викторович, не стоит. Там сейчас... в общем, не лучшее место для прогулок. Грунт, запах, да и вообще... Зачем вам? Вы и так все знаете.

Кирин медленно повернулся к нему. В глазах его была не злость. Усталость и упрямство.

— Я приехал не для того, чтобы слушать, как все красиво на бумаге. Пойду посмотрю.

Юрий Андреевич вздохнул, пожал плечами.

— Как хотите. Только недолго.

Мужчина кротко кивнул и пошел к главному входу.

Он потянул на себя тяжелую дверь. Петли скрипнули жалобно. Внутри сразу ударил запах: смесь горелой резины, формальдегида, сладковатой гнили и чего-то металлического. Он невольно задержал дыхание, но потом заставил себя дышать через рот. Запах все равно проникал в нос и оседал на языке.

Здание выглядело на удивление целым. Стены еще стояли крепко, краска местами облупилась до бетона, но не осыпалась пластами. Пол был покрыт старым линолеумом: потрескавшимся, выцветшим, но не провалившимся. Все это выглядело почти нормально.

Мужчина шел медленно, ступая осторожно. Он заглядывал в пустые палаты: голые койки без матрасов, решетки на окнах. В одной из комнат на подоконнике стояла забытая кем-то пластиковая кружка: старая, белая, с рисунком медвежонка. Кирин отвернулся.

Чем ближе к лестнице в подвал, тем сильнее становился запах.

Подходя к перилам, услышал позади шаги. Паша и Юрий Андреевич все-таки пошли следом.

— Проведем, — сказал он. — Через пару дней запах уйдет. Вентиляцию запустим, окна откроем. Все нормально.

Мужчина не ответил. Спустился на несколько ступенек вниз. Свет там был еще тусклее. Пол кафельный, старый, потрескавшийся. И прямо посреди коридора, у стены, темнел след: кровавый, растекшийся отпечаток ладони. Пятно большое, сантиметров тридцать в диаметре, и темно-бурое, почти черным по краям.

Паша, который тоже спустился следом, подошел ближе, засунул руки в карманы.

— След не смогли оттереть, — сказал он тихо, без эмоций. — Три дня терли. Щетками, химией, даже песком. Только потемнел. Будто впитался в бетон.

Кирин смотрел на отпечаток долго. Потом медленно кивнул.

— Понятно.

Он развернулся и пошел обратно. Поднимался по лестнице быстро, чуть ли не бегом. На улице воздух показался почти свежим.

У края территории, за старым забором, рабочие стаскивали в большой костер кучу одинаковой детской одежды: серые кофты, штаны на веревочках, маленькие ботинки. Все новое, еще с бирками. Рядом лежали черные мешки, из которых торчали обрывки пластика и стекла. Персонал снимал с себя рабочую форму, комкал их и тоже бросал в огонь. Пламя вспыхивало ярко, жадно, выбрасывая в небо новые клубы черного дыма.

Кирин остановился. Посмотрел на это все: на огонь, на людей, на мешки и почувствовал, как внутри что-то окончательно оборвалось.

Он больше не мог здесь оставаться.

— До свидания, — сказал он тихо, ни к кому не обращаясь.

Повернулся и быстро, не оглядываясь пошел к машине.

Садясь за руль, он подумал только об одном: лучше бы он вообще ничего не знал об этом месте.

Машина тронулась. Дым поднимался в небо, смешиваясь с низкими серыми тучами.

Он включил фары и уехал, не включая радио или магнитоу. В салоне было тихо. Только стук сердца и далекий треск огня за спиной.

Глава 5

Стас старался не шевелиться. Легкий ветерок прошел мимо, обдувая уши. Сердце громко стучало. Тяжело, настойчиво, словно изнутри что-то с боем пробивалось от ребер к горлу. Казалось, мир сузился до этого заглушающего все вокруг стука в груди:

Тук.

Морозный холодок пробежал вдоль позвоночника.

Тук.

Дыхание замедлилось.

Тук.

Мальчишка сам не заметил, как перестал дышать носом и перешел на рваное дыхание через рот. Глаза невольно закрывались. Позади слышался приглушенный рык.

Тук-тук-тук-тук-тук.

Медленно, почти незаметно поворачивая голову, он едва ли не перестал дышать. Руки, широко расставленные, сами собой поднимались вверх. Корпус осторожно поворачивался вслед за шеей.

Из темноты на него смотрели два светящихся желтых глаза. Голова хищника поднялась, обнажая белоснежный в лунном свете оскал. Рычание стало чуть громче, глубже, ближе.

И стоило легкому хрусту ветки раздаться где-то в темноте, как Стас, не задумываясь ни на секунду, сорвался с места и сломя голову рванул вперед.

Сердце теперь не стучало — оно молотило, заглушая все: хруст веток под кроссовками, свист воздуха в ушах, собственное хриплое дыхание.

Позади раздался новый звук: уже не рык, а тяжелый, пружинистый топот. Четыре конечности мягко, но быстро двигались по земле, приближаясь.

Глаза хищника мелькали в темноте: два желтых фонаря, то исчезали за деревьями, то вспыхивали ближе. Расстояние сокращалось. Неумолимо.

Понимая, что в скорости он сильно уступает, Стас резко, всем телом, крутанулся влево. Не бегом, а броском. Ноги скользнули по траве, потеряли опору. Кроссовки проехали по земле, оставляя две глубокие борозды. Колени подогнулись, ладони врезались в землю.

Он упал на бок, перекатился через плечо. Из легких вырвался короткий стон.

В тот же миг хищник метнулся следом. Слишком быстро, слишком уверенно. И, похоже, не заметил перед собой массивный ствол березы. Слышался глухой, тяжелый удар. Череп врезался в кору с такой силой, что дерево качнулось.

Существо отшатнулось, мотнуло головой, из ноздрей вырвался короткий, злой фырк. Желтые глаза на мгновение потухли.

На миг оглянув существо, Стас заметил, что оно втрое превосходило его размерами. Кожа тонкая, местами потрескавшаяся и натянутая. Сквозь нее на ребрах пульсировало тревожное красное свечение, будто внутри билось что-то живое, чужеродное. Каждый толчок отдавался слабым мерцанием, перекачивая свет по венам.

Желтые глаза открылись, вспыхнув еще ярче.

Существо качнулось, его голова дернулась, словно оно пыталось сфокусироваться. Стас не стал ждать.

Опираясь на пальцы и носки кроссовок, он выпрямил руки, как при низком старте. Мышцы ног напряглись. И он рванул в сторону.

Бежал, пригнувшись, почти на четвереньках первые секунды, пока не распрямился полностью. Ветки хлестали по лицу, рвали рукава.

Позади раздался громкий гортанный рык. Топот возобновился. Существо снова нагоняло его. Расстояние постепенно сокращалось.

Но оно, казалось, уже не так стремительно приближалось. Каждое движение давалось с заметной паузой.

Не раздумывая, Стас резко свернул к ближайшей березе. Прыгнул, вцепился пальцами в кору, подтянулся. Ноги скользили, ладони обдирались, но он карабкался вверх. Быстро и отчаянно. Кора сыпалась под ногами, дыхание вырывалось короткими всхлипами.

Зарывав, существо прыгнуло следом, вытянув непропорционально длинные конечности. Когти вонзились в ствол ниже, чем нужно. Дерево вздрогнуло, но существо не дотянулось. Оно подтянулось еще раз, когти снова царапнули воздух в десятке сантиметров от кроссовка Стаса.

Мальчишка полез выше, ветки скрипели под весом. Он видел: хоть существо еще не сдалось, но уже слабеет. Теперь преимущество, пусть и маленькое, было у него.

Он лез вверх, цепляясь за ветки все выше, пока руки не начали дрожать от напряжения, а дыхание не превратилось в короткие, жгучие всхлипы. Он ждал нового прыжка, нового скрежета когтей, нового рыка, но ничего не происходило.

Тишина.

Он замер, прижавшись к стволу, и осторожно посмотрел вниз.

Существо стояло на земле, неподвижно. Оно больше не прыгало. Не рычало. Просто смотрело вверх, запрокинув голову. Желтые глаза тускло мерцали в лунном свете. Оно вертело головой из стороны в сторону: медленно, почти растерянно, словно пыталось поймать его силуэт среди веток и теней. Взгляд скользил мимо, возвращался, снова уходил в сторону.

Стас вдруг понял: зрение существа, хоть и острое в темноте, было несовершенным. Оно искало его, но уже не находило.

Мальчишка вцепился в ветку сильнее, пальцы побелели. Его глаза встретились с желтыми фонарями внизу, и на короткий, невыносимый миг ему показалось, что в этом взгляде мелькнуло что-то человеческое.

Но это длилось лишь секунду.

Существо пошатнулось. Его тело дернулось — резко, конвульсивно. Красное свечение на ребрах мигнуло неровно, потускнело, вспыхнуло снова и угасло. Оно отступило на шаг, потом еще на один. Голова мотнулась вбок, из пасти вырвался хриплый, надсадный звук: не рык, а почти стон.

Оно развернулось и, пошатываясь, скрылось в тени леса.

Стас остался на дереве. Тело дрожало, руки онемели, пальцы едва разжимались. Он не знал, сколько времени прошло. Ночь все еще была глубокой, луна висела высоко, лес молчал, как будто ничего и не было.

Он сполз чуть ниже, на более толстую развилку, прижался спиной к стволу и закрыл глаза. Сердце все еще колотилось. Он пытался дышать ровно. Пытался убедить себя, что все кончилось.

Стас глубоко выдохнул, и в этот миг лес ожил странными звуками.

Сначала едва заметно: низкий, вибрирующий гул, будто где-то далеко-далеко проехал тяжелый поезд по рельсам, которых здесь нет. Гул нарастал, переходя в пульсирующую вибрацию, от которой дрожали мелкие ветки.

«Паника, — подумал он. — Просто паника. Усталость. Адреналин играет шутки».

Но гул не прекращался. Он пульсировал в такт его собственному сердцу. Или это сердце подстраивалось под него? Вибрация поднималась от земли, через ствол березы, в ладони, в грудь.

Когда гул стих, Стас открыл глаза. Ему показалось, что на улице стало светлее. Вернулись привычные звуки леса: зашелестели листья, где-то далеко скрипнула ветка, послышался тихий, привычный шорох, мелкие ночные жители вернулись к своим делам.

До рассвета мальчишка так и просидел на ветке. Чувство паники, возможно, и не ушло полностью, но уже сильно приглушилось.

Первые лучи солнца, пробивающиеся сквозь стволы, не согревали. Руки уже дрожали от холода, и даже кофта, которая всегда казалась ему слишком теплой, уже не спасала от прохлады.

Пора было спускаться. Он огляделся по сторонам, затаил дыхание и прислушался: вроде ничего подозрительного. Хоть все вокруг и казалось спокойным, слазить с дерева он не торопился.

Двинув ногой в сторону, чтобы ступить на ветку ниже, он будто бы ее не чувствовал. Нога словно была выключена и принадлежала не ему. А затем, резко, словно перещелкнувшись, от пятки до кончиков пальцев пронеслась волна покалываний тысячи маленьких, жгучих иголок.

Стас резко дернулся от колющих ощущений и чуть не сорвался, едва успев ухватиться за ствол. Рвано дыша, он посмотрел вниз — метров восемь, не меньше.

Мальчишка дождался, пока дыхание не восстановилось, а нога окончательно не «пришла в себя».

Осторожно, цепляясь за ветки, рука за рукой, нога за ногой, он спускался вниз.

Последняя ветка оказалась слишком высокой. Он повис на ней, вытянув ноги, пытаясь нащупать нижний сук носком. Пальцы скользнули по гладкой коре. Ветка хрустнула. Не выдержала.

Падение было коротким, но приземлился он неудачно: левая нога подвернулась, колено ударилось о корень, торчащий из земли. Он упал на бок, выдохнул сквозь зубы. Коротко, почти беззвучно.

Стас лежал на боку несколько долгих секунд, тяжело дыша. Колено пульсировало горячей, тупой болью, будто кто-то вбил туда раскаленный гвоздь и медленно проворачивал. Он сжал зубы, перевернулся на живот, уперся ладонями в холодную, влажную землю и с криком, поднялся на четвереньки.

Затем поставил правую ногу, оперся на нее всем весом и выпрямился. Левая нога была почти на весу. Наступать на нее больно, но терпимо. Он сделал первый шаг. Колено протестовало, но держало. Второй шаг. Третий. Хромая, он двинулся вперед, стараясь не спотыкаться о корни и кочки.

Когда наконец вышел на опушку, солнце уже поднялось над горизонтом. Слабый туман стелился по земле. Стас остановился, тяжело дыша, и огляделся. Взгляд зацепился за что-то в траве.

Зрение у него было неважное. Особенно на таком расстоянии, да еще после бессонной ночи и адреналина. Но силуэт был слишком... человеческим. Не зверь, не куст, не упавшее бревно.

Стас замер. Сердце снова заколотилось, но уже не так бешено, как ночью, а настойчиво. Он сглотнул. Тварь была огромной, втрое больше человека. А это... это было меньше. Гораздо меньше.

Что-то внутри толкало его идти ближе. Не страх, не любопытство, а какое-то тупое, упрямое чувство: «Надо посмотреть. Надо убедиться».

Он шел медленно, стараясь не шуметь. Трава шуршала под кроссовками, роса холодила лодыжки. Чем ближе, тем четче становился силуэт.

Стас остановился в пяти метрах.

Это был Илья.

Обнаженный мальчишка лежал посреди травы. Тонкие колени подтянуты к груди, худые руки прижаты к телу. Бледная кожа казалась почти прозрачной в утреннем свете, покрытая свежими царапинами и синяками, из которых сочилась кровь. Вдоль всей шеи и на висках проступили тонкие красные сеточки лопнувших капилляров, хрупкие и неровные, как трещины на тонком фарфоре.

Стас подошел ближе, присел на корточки и ладонью попытался растормошить холодное тело. Реакции не последовало.

Он было подумал, что существо загнало в лес Илью точно так же, как и его. Только Стас смог убежать, а Илья — нет.

В панике Стас схватил мальчишку обеими руками и принялся трясти. Резко, отчаянно. В надежде увидеть хоть малейшее движение. Пусть не сразу, но это удалось.

Сосед издал тихий звук: легкое, надсадное покашливание. Тело его вздрогнуло, и где-то под ребрами, на долю секунды, вспыхнул тот самый ярко-красный огонек.

Осознание пришло быстро, выбивая воздух из легких. Стас отпрянул от тела, приземлился на задницу, руками упираясь в землю, и, замерев на пару секунд, отполз подальше, пристально вглядываясь в мальчишку.

Свечение внутри уже погасло. Рука Ильи легонько дернулась, он оперся локтем вверх, ладонью в землю, слегка приподнялся. Повернул голову и желтыми, светящимися глазами уставился на Стаса.

Тело качнулось, мышцы напряглись, но тут же подкосились. Он рухнул обратно на землю. Из горла вырвался короткий, надсадный хрип, чем-то напоминающий приглушенное ночное рычание, но звучание было совсем другим.

Он снова попытался встать. Снова упал.

Стас смотрел, не в силах отвести взгляд. Он видел: Илья не может подняться. Тело не слушается.

Он не нападал. Не мог.

Стас поднялся на ноги. Колено все еще ныло, но сейчас это не имело значения. Он сделал шаг назад. Потом еще один. Не отводя взгляда от Ильи.

Илья лежал на земле, тяжело дыша. Желтые глаза тускнели, свет в них мерк.

Стас сделал еще шаг назад.

— Пап?.. — вопрос прозвучал тихо, хрипло.

Илья попытался сфокусироваться на отдаляющемся объекте и, похоже, смотрел на Стаса, но не видел его перед собой.

Стас, осознав, насколько ему повезло, и понимая, что в третий раз удача вряд ли улыбнется, поспешил как можно быстрее выбраться из леса и добраться до дома.

Он старался идти быстрее, но не бежать. Боялся привлечь лишнее внимание этого существа. И уже заведя дом Алферовых, вдруг остановился и посмотрел назад.

Там ведь лежало не какое-то хищное существо. Там лежал соседский мальчишка. Да, совершенно странный, но просто мальчишка.

Стас сощурился и замотал головой, стараясь вытряхнуть мысли из головы. А затем снова взглянул на Илью.

— Блин, ну нет! — он безуспешно старался убедить сам себя, хоть и понимал — не получится.

Тяжело вздохнув, он громко чертыхнулся себе под нос и, развернувшись, захромал в обратном направлении.

Остановился в двух метрах от Ильи и тихо, почти шепотом, позвал:

— Илюх...

Мальчишка не ответил. Только грудь поднималась и опускалась. Стас присел на корточки, стараясь не делать резких движений.

— Илюх... эй... ты слышишь меня?

Илья поднял голову. Глаза его были полуприкрыты. Желтый свет в них угас, уступив место обычному карему цвету. Теперь они выглядели просто уставшими, человеческими. Он смотрел на Стаса долго, неподвижно, словно пытался вспомнить, кто перед ним.

Илья попытался подняться, но сил не хватило. Тело качнулось, колени подогнулись, и он снова шлепнулся на землю.

Стас вздрогнул, но не отшатнулся.

— Эй... Ты... ты в порядке?

Илья сидел на земле, тяжело дыша. Руки его дрожали, пальцы впивались в траву. Он поднял взгляд. Теперь уже осмысленный, но полный усталости и чего-то похожего на страх.

— Уходи... — голос был хриплым, слабым, почти сорванным.

Стас моргнул.

— Что?

— Уходи! — Илья повысил голос, насколько хватило сил. — Уходи, пожалуйста.

— Тебе надо домой, — сказал Стас тихо. — Ты же замерзнешь тут. Заболеешь.

— Уходи! — Илья почти кричал. — Уходи!

Стас закатил глаза, не зло, а скорее устало. Если бы это был Димка, он бы его просто схватил подмышку и утащил домой. И хоть Илья и выглядел сейчас психованным ребенком, трогать его после всего, что было ночью, Стас пока не решался.

— Да ты серьезно? — пробормотал он себе под нос.

Илья смотрел на Стаса широко раскрытыми глазами, зрачки сужены, будто в ярком свете. Лицо было изможденным: щеки ввалились, губы пересохли, под глазами — темные круги. Он выглядел так, будто всю ночь провел в аду и только сейчас выбрался на поверхность.

— Уходи! — снова выдохнул он. Голос срывался, ломался, но теперь в нем не было злобы — только паника.

Стас вздохнул. Что-то внутри сжалось. Не от страха, а от жалости. Он не знал, что делать. Бросить его здесь? Уйти?

Он посмотрел на Илью. На то, как тот дрожит, как пытается спрятаться в себе, как смотрит на него.

Нет, он не может уйти.

Стас стянул с себя кофту и спортивные штаны. Протянул их Илье.

— Надевай, — сказал он добродушно, почти ласково.

Илья уставился на него. Взгляд был пустым, растерянным, будто он не понимал, чего от него хотят. Руки его замерли, пальцы дрожали.

Стас все еще стоял с протянутой одеждой в руках.

— Надевай, — повторил он мягче, но настойчивее. — А то замерзнешь.

Илья не шевельнулся. Глаза его все так же не моргая смотрели на Стаса. Словно он был не здесь, а где-то далеко, за толстой стеной.

Стас громко вздохнул. Подошел ближе и сам накинул кофту на плечи Ильи. Ткань легла тяжело, но тепло. Илья вздрогнул, но не отстранился.

— А теперь штаны, — сказал Стас, стягивая треники. — Надевай. А то точно заболеешь. Он протянул их Илье.

Тот внимательно смотрел на него, словно пытался прочесть что-то в его лице. Потом дрожащими руками, взял штаны. С трудом, как-то неловко, натянул их на себя.

Стас стоял в футболке, трусах и кроссовках. Он просто смотрел, как Илья кутается в его одежду, и чувствовал странное облегчение. Будто сделал что-то правильное.

— Пошли до дома, — тихо сказал он.

Илья не ответил. Только опустил голову и прижал колени к груди. В кофте и штанах сейчас он казался чуть менее жалким.

Стас постоял еще секунду, потом кивнул сам себе. И как только умудрился так вляпаться? Илья больше не пугал его, немного раздражал, но больше вызывал сочувствие.

— Пошли! — сказал он, подхватывая соседа под руку.

Тот уже не сопротивлялся.

Они двинулись в сторону дома. Нога Стаса ныла при каждом шаге, но это было еще терпимо. Гораздо хуже было с Ильей: тот почти не шел сам. Тело его едва слушалось, ноги подгибались, колени дрожали, каждый шаг давался с видимым усилием. Стасу пришлось буквально тащить его на себе.

Радовало одно: до дома оставалось недалеко. Поле уже кончалось, впереди маячил знакомый забор.

Когда они наконец добрались до калитки дома Ярцевых, Стас толкнул ее и завел соседа внутрь. Довел до крыльца, усадил его на верхнюю ступеньку. Потом подошел к двери и постучал.

— Эй! Есть кто?

Тишина.

Он постучал еще раз. Но из-за двери никто не выходил. Там вроде никого и не было. Хотя, возможно, соседи сейчас носились по округе в поисках сына. Дом был закрыт на ключ.

Стас обернулся к Илье.

— Ладно... подождем твоих родителей, — сказал он, стараясь звучать уверенно.

Илья поднял голову. Глаза его были усталыми, но теперь уже осмысленными.

— Нет, — тихо сказал он. — Уходи.

Стас моргнул.

— Что?

— Уходи, — повторил Илья, уже чуть громче. — Никто... не должен знать.

Стас нахмурился.

— Ты серьезно? Ты же весь... — он махнул рукой на Илью, на кровь, на синяки, на дрожь. — Тебе нельзя тут одному оставаться.

Илья покачал головой.

— Уходи... пожалуйста.

Стас вздохнул. Посмотрел на Илью, на то, как тот сидит, сгорбившись, кутаясь в его кофту. Потом кивнул.

— Уверен? — переспросил он.

Илья не ответил. Только опустил взгляд и прижал колени к груди сильнее.

Стас постоял еще секунду. Потом повернулся, спустился с крыльца и пошел к калитке. Медленно, хромая, чувствуя, как внутри что-то сжимается.

Он не хотел уходить. Но Илья просил. И, кажется, ему правда было лучше одному.

Стас остановился у калитки, обернулся в последний раз.

Илья сидел на ступеньке. Маленький, одинокий. Он не смотрел на Стаса. Просто сидел, глядя куда-то в землю.

Стас тихо выругался себе под нос, толкнул калитку и вышел на дорогу.

Свернул во двор Алферовых. Дом еще спал: окна темные, только слабый свет уличного фонаря ложился на крыльцо. Он тихо прошел на кухню, сел за обеденный стол у окна и выглянул в сторону соседского дома.

Илья не двигался. Просто сидел, глядя куда-то в землю. Стас смотрел на него долго, не отрываясь. Не знал, сколько времени прошло: может, десять минут, может, полчаса.

Вдруг с дороги послышались громкие, торопливые шаги.

Родители Ильи направлялись к своему дому. Мужчина впереди, женщина следом. Волосы у нее растрепаны, лицо бледное от беспокойства. Они увидели Илью одновременно.

Женщина вскрикнула что-то, но слов Стас не разобрал. Мужчина рухнул на колени перед сыном, обхватил его руками, прижал к себе. Он что-то быстро говорил, гладил мальчика по голове, по спине, проверял, цел ли. Илья чуть наклонился вперед, уткнулся лбом в его плечо. Женщина стояла рядом, прижав руки ко рту, потом наклонилась, коснулась щеки сына.

Мужчина осторожно поднял ребенка на руки. Илья обхватил его за шею и закрыл глаза. Отец занес его внутрь. Мать придерживала дверь, потом быстро захлопнула ее за собой.

Стас смотрел за происходящим до тех пор, пока в соседских окнах не зажегся свет.

Он вздохнул, поднялся и подошел к раковине. Включил кран и смыл запекшуюся кровь. Потом тихо прошел в комнату, забрался под одеяло к Димке и лег рядом.

Стас только на секунду прикрыл глаза, позволяя теплу и усталости утянуть его в сон, как вдруг в лицо прилетела подушка.

— Ты охренел? Мне тебя долго ждать? — голос Димы был громким, возмущенным, но с привычной насмешкой.

Стас резко открыл глаза, моргнул, пытаясь понять, где он и что происходит. Подушка лежала у него на груди, а Димка стоял над кроватью, оперев руки в бока.

— Иди ты нафиг! Щас оденусь, — буркнул Стас, отбрасывая подушку в сторону.

Дима прищурился, явно недовольный ответом. Он скрестил руки на груди, наклонил голову набок.

С кухни потянуло легким, уютным ароматом выпечки. Дом Алферовых уже просыпался: где-то тихо скрипнула половица, звякнула посуда, послышался приглушенный голос тети Олеси.

Значит, Стас все-таки поспал. Казалось, весь тот ужас остался позади, растворился в утреннем свете, в привычных звуках дома. Все стало слишком спокойным, почти обыденным.

И только разодранная коленка, все еще ноющая под свежей коркой крови, напоминала о произошедшем.

Глава 6

Следующая неделя для Стаса шла непривычно. Казалось, будто он находился под толщей воды и никак не мог вынырнуть. Все вокруг звучало глухо, движения были медленными, а внутри стоял постоянный тяжелый гул — как будто кто-то давит ладонью на грудь и не отпускает. Дядя так и не позвонил. Даже короткой смс-ки не пришло. Стас каждый вечер проверял телефон, потом клал его экраном вниз и старался не думать об этом. Что, кстати, благодаря соседу выходило на ура.

Димка вел себя как-то иначе. Нет, он и раньше не особо вникал в чужие настроения, но если Стас был не в духе, обычно просто оставлял его в покое или тащил куда-нибудь, чтобы отвлечь. А сейчас будто нарочно делал вид, что ничего не замечал.

Единственный раз, когда Димка проявил интерес к состоянию Стаса, случился тем утром, когда друг вернулся из леса.

— Ого, — он прищурился, разглядывая коленку и мелкие царапины. — Это что у тебя? Стас дернул ногой, но было поздно.

— Ты где так разодрался? — удивился Димка, наклоняя голову, словно пытаясь разгадать загадку. Он усмехнулся, но в голосе сквозило любопытство, почти беспокойство.

И тут Стас понял, что не может рассказать. Пожалуй, впервые. Обычно ему было все равно, слушает друг или нет. Он просто вываливал все, что было в голове. А тут...

Нет, конечно хотелось бы. Но перед глазами то и дело вставал тот напуганный соседский парень. Язык не поворачивался. Нет, его напрямую не просили молчать, но это ведь было очевидно, не так ли?

Да и как вообще это рассказать? Не зверь и не человек. Просто нечто. Попробуй объясни так, чтобы не выглядело, будто ты рехнулся.

— Ничего, — пробормотал он. — Споткнулся.

— Споткнулся, ага, — Дима фыркнул, но видно было, что поверил не до конца.

Больше они об этом не говорили.

Через пару таких дней Димка даже начал будить его немного позже, чем обычно. Так и в этот день он больше не будил Стаса на рассвете, хотя в этот день и рассвета особо не было. Утро выдалось на редкость пасмурным: тучи затянули небо, и на солнце не было даже намека. Правда, сегодня был не обычный летний день, а самый что ни на есть особенный: у тети Олеся день рождения. Максим должен был отвезти их в город, чтобы они могли выбрать ей подарок.

Вообще он обещал отвезти их пораньше, но с их машиной что-то случилось, и родители не объяснили, что именно:

— Сломалась и сломалась, бог с ней, — только и сказала тетя Олеся.

Ну и ладно.

А сегодня их должен был кто-то подвести.

Но они еще хотели выйти из дома пораньше. Ленка попросила бабушку сорвать сирень из их огорода. У них была и белая, и сиреневая, а тетя Олеся больше всего на свете любила сирень. Поэтому план был такой: быстро ускользнуть из дома, нарвать цветов, поздравить тетю Олеся с утра, а уже потом поехать за подарком.

В то утро Стасу даже сначала показалось, что он проснулся раньше Димки. В комнате было открыто окно, он вдыхал носом свежий запах, слушал стук дождя о подоконник.

Хотел потянуться, но рука почему-то не слушается. Почему она не слушается?

Стас постарался пошевелиться — никак. Сердце забилось сильнее. Дверь в комнату была открыта, и мальчик видел черную тень, которая ходила туда-сюда за дверным проемом. Слишком высокая для человека, что-то слишком хорошо ему напоминавшее. Стас долго вглядывался в тень, пытаясь понять, кто это: может, Максим просто где-то вдалеке?

Но вдруг на долю секунды ему показалось, что под ребрами что-то вспыхнуло до боли знакомым красным свечением.

Оно просто ходило, не обращая на мальчишку никакого внимания, а Стас никак не мог успокоиться. Более того, он не мог никак разбудить лежащего рядом Димку.

Дыхание участилось, и мальчишка подумал: не спит ли он до сих пор? Напряг все тело, постарался открыть глаза, и это вроде даже получилось: за дверью уже никого не было, но глаза продолжали закрываться сами собой. Так он и пытался поднять тяжелые веки, то находя, то теряя тень из виду, пока Димка, уже одетый как обычно, не швырнул в Стаса подушку, чтобы разбудить.

Немного дерганный и возбужденный Стас быстро схватил одежду и переоделся. Прыгал с ноги на ногу, хватался за вещи, суетился, комментируя каждый свой шаг. Дима слегка моргнул, наблюдая за ним, а Стас так старался скрыть беспокойство, что почти не дышал.

Он первым выскочил из дома и чуть не влетел в родителей. Тетя Олеся резко дернулась, отбрасывая сигарету в мокрую траву, отмахнула дым и абсолютно нелепым образом делала вид, что никакой сигареты в ее руке не было. Да они с Димкой знали, что она курит как паровоз. Да и Максим знал. И зачем она все время пряталась? Как и многие вопросы, этот оставался без ответа. Просто однажды Максим сказал не спрашивать ее об этом, вот они и не спрашивают.

Димка вылетел из дома почти следом за Стасом и влетел в его спину, и теперь Стас все-таки рухнул на Максима. Тот его, кстати, сумел поймать и помог встать обратно на крыльцо.

Максим уже был полностью собран перед поездкой в город и, похоже, ждал только детей.

— Ну и куда вы? — еле сдерживая смех, спросил он. Тетя Олеся легонько хлопнула его по руке, но тоже смеялась.

— На речку! — вскрикнул Димка, перепрыгнул через ступеньки и бегом вылетел из ограды. Стас шмыгнул следом.

Олеся быстро пригладила волосы и посмотрела на Максима с легким укором, но уголки губ все равно подрагивали.

Максим поймал ее взгляд и тихо хмыкнул, не сдерживая улыбки.

— Что? — невинно спросил он, разведя руками. — Я ничего не видел. Честное слово.

— Ой, иди ты, — Олеся легонько толкнула его плечом, но толчок вышел скорее ласковым, чем сердитым. — Лучше скажи, куда они намылились?

— Лесь, честно? Вот я без понятия куда!

Женщина усмехнулась, подогнула под себя босые, слегка влажные ноги. Легкий пар пошел изо рта. И пока она вглядывалась в горизонт за забором, Максим стянул с ног кеды, занырнул в дом, схватил свою куртку с крючка у дверей и, накинув на ее плечи, вернулся обратно.

— Слушай, — вдруг начала она, и мужчина знал, что это ее «слушай» редко предвещает что-то хорошее. — тебе Гриша не звонил?

Максим вздохнул — коротко, устало, но без злости. Он потер шею, глянул в сторону забора и пожал плечами.

— Нет, но я попрошу меня сегодня подкинуть до склада. За деньгами зайду.

— Возвращаться к ним не думаешь?

— Честно говоря, не очень хотелось бы. — Улыбка полностью слетела с лица, а голос, казалось, совсем поник. Максим тяжело вздохнул, положил руку на тыльную сторону ладони Олеси и, повернувшись с легким прищуром, спросил: — А ты думаешь, мне стоит вернуться?

Это был важный вопрос, ответ на который в любом случае повлияет на всю их семью. Оба супруга это понимали.

— Мне кажется, что уже не имеет смысла возвращаться. Можно ведь посмотреть и другие варианты?

Максим молчал секунду, в изумлении открыв рот. Он всегда так делал. Олесе нравилось то, как он смотрит на нее. Еще со школы нравилось и нравилось, что и спустя одиннадцать лет брака этот взгляд никуда не делся. Потом он наклонился и поцеловал ее. Олеся улыбнулась в поцелуй, отстранилась и легонько хлопнула его по груди.

— Эй, — усмехнулась она, — ты от подарка так не отвяжешься!

Максим фыркнул, не выдержав.

— Даже и не пытался!

Он снова наклонился к жене за поцелуем, как залетевшие в калитку дети с полными руками сирени прервали эту идиллию!

— С днем рождения! — закричали они в один голос, и Олеся нервно засмеялась, ошарашенная от такого поздравления.

— Вы откуда?

— Все хорошо, мам! — сразу оправдался Димка. — Нам все разрешили, никто ругаться и разбираться не придет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.